

Р2

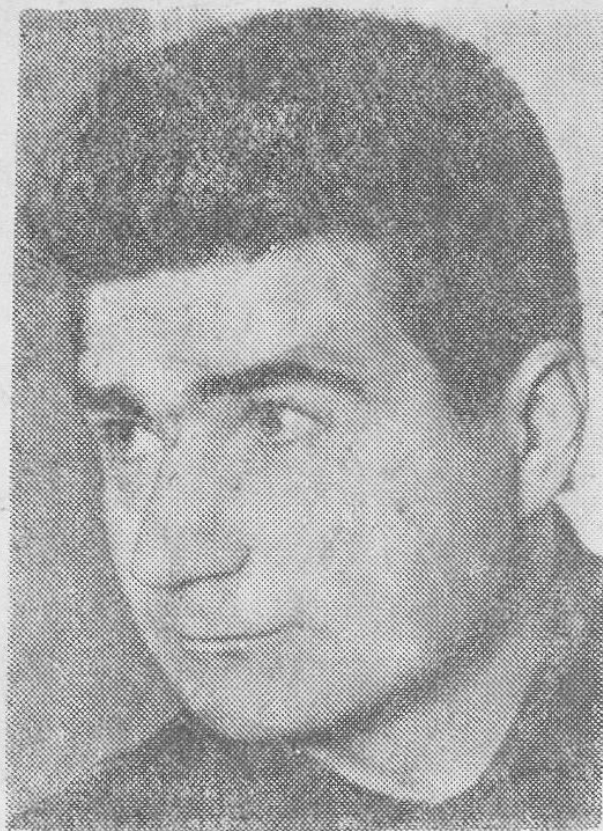
1150.

Г. НЕМЧЕНКО

СЕРЕЖКА
Антоновский
ВETERAN

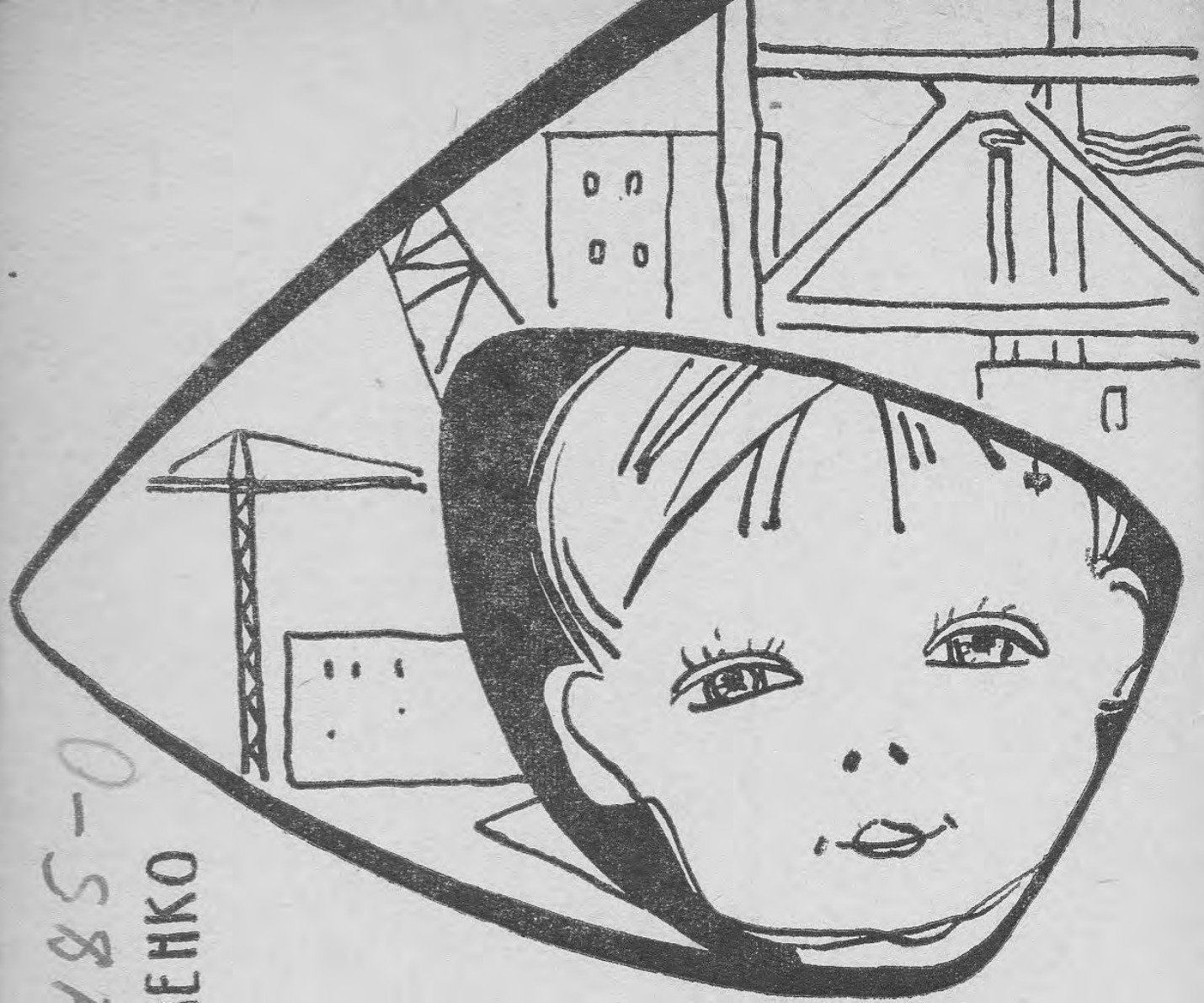

Гарий Немченко — автор нескольких книг о строителях Западносибирского металлургического завода: сборника очерков «Когда друзья рядом» (Кемерово, 1962 г.), написанного в соавторстве с журналистом Г. Емельяновым, книги рассказов «Теплый снег» (Кемерово, 1963 г.) и романа «Здравствуй, Галочкин!» (1964 г.)

Произведения Г. Немченко печатались в журналах «Пионер», «Юность», «Работница», «Сибирские огни». В 1964 году принят в Союз писателей СССР

УЗБАСС
ЛИТЕРАТУРНЫЙ

41485-0

Г. НЕМЧЕНКО

X

ДЕРЕЖКА, Антоновский ВЕТЕРАН

КНИЖКА ПОДАРОК ВОИНСКОМУ ВЕТЕРАНУ
ИЛИ А. С. ПУШКИНА
АВТОР И ИЛЛЮСТРАТОР
Г. НЕМЧЕНКО
г. Ленинск-Кузнецкий, Кемеровская обл.

Немченко Гарий Леонтьевич
СЕРЕЖКА
АНТОНОВСКИЙ ВЕТЕРАН
П о в е с т ь

Художник В. Алексеев
Редактор Л. Глебова
Худож. редактор О. Красова
Техн. редактор Г. Рудина
Корректор Л. Пронникова

Сдано в набор 23.II-1965 г. Подписано к печати 12.IV-1965 г.
Формат 70×90¹/₃₂. Печ. л. 3,22. Уч. изд. 3,02. Авт. л. 2,94.
ОП00394. Тираж 15 000. Заказ № 1706. Цена 9 коп.
Кемеровское книжное издательство. Кемерово, Советский
проспект, 94.

Типография «Кузбасс» Кемерово, Кузнецкая, 9.

СЕРЕЖКЕ снились голуби. Голубей было много. Может быть, сто. А может — тыща. Они толкались у Сережки под ногами, топтались по пальцам, царапали их острыми коготками. Сережка крошил черную засохшую горбушку и посыпал голубей крохами. Крохи падали птицам на спину, а голуби вертелись и склевывали их друг с друга.

Недалеко от Сережки смиренно стоял Генка Дерibasка, командир мехколонцев. Он протягивал руку и жалобно говорил:

— Ну дай голубка, Серег... Всю жизнь за тебя заступаться буду!..

— Нет уж, спасибочки, — сказал Сережка. — Сам не маленький. Если кто тронет, знаешь, что ему будет?..

Генка Дерibasка не знал, что будет тому, кто тронет Сережку. Он покачал головой и снова попросил:

— Дай голубка, Серег...

— Не дам, не приставай, — отрезал Серег.

Тогда Генка вдруг выхватил из-за пазухи рогатку, вставил камешек и...

Что было дальше, Сережка так и не узнал. Он проснулся. Тут уж не до сна, когда в окно тебе швыряют камни.

Сережка выскользнул из-под одеяла, и, еще не открывая глаз, пошарил рукой под кроватью, пытаясь отыскать бумажный мешочек с пылью, который он поставил с вечера рядом с фанерным чемоданом.

«Как дам сейчас!» — подумал Серега.

Но бумажка с пылью все не попадалась под руку, и тогда он нашарил свой старый ботинок. Ботинок был сморщенный и давно уже просил каши, так что выбрасывать его было ни чуточку не жалко.

Он еще раз взглянул на ботинок, и, чтобы совсем уже было не жалко его выбрасывать, надорвал его еще немножко.

Потсм побежал к балкону, шлепая по полу босыми ногами, но тут же остановился и даже попятился назад, как будто увидел перед собой что-то страшное.

Конечно, ничего такого особенного он не увидел. Просто он вспомнил, что сегодня должна быть решающая битва супятчиков с мехколонцами и его, наверно, зовут на войну.

Сережка на цыпочках прошел обратно к кровати, тихонько поставил рядом с чемоданом ботинок и юркнул под одеяло.

«Нет уж, довольно, — подумал Сережка. — Навоевались. Хватит».

Он отвернулся к стенке, натянул на голову одеяло и даже засопел не очень громко, как будто в окно никто и не швырял камни.

— Разводчик! Выйди! — закричали снизу.

«Как надо, так всегда Разводчик», — подумал Серега.

Разводчиком его звали потому, что он разводил голубей, и Сережка очень гордился своей кличкой. Но воевать ему сегодня совсем не хотелось, и он только покрепче натянул на голову одеяло.

Внизу крикнули громче.

«Будет вам сейчас Разводчик», — подумал Серега.

И не успел он даже это додумать, как дверь скрипнула, и в комнату вошла Сережкина мать.

Шаркая шлепанцами, она прошла на балкон, и Сережка улыбнулся не без гордости, потому что его маленькая военная хитрость на этот раз вполне удалась.

— Вот я сейчас выйду, пропишу вам чертей, — прикрыв дверь на балкон, негромко крикнула мать, и Сережка представил, как она грозит мальчишкам стареньким пальцем. Мать у Сережки совсем еще молодая, только пальцы у нее такие старенькие — в морщинках, и кожа на них шелушится, потому что пальцы ест известка.

— Спать не даете мальчишке ни днем, ни ночью... Никуда он не пойдет, кыш отсюда!..

Она прошла обратно, и Сережка слышал потом, как лилась в раковину вода, когда мать умывалась. и как она потом негромко прихлопывала кастрюльными крышками.

— Ма! — позвал Сережка, когда в коридоре зазвенели ключи, и мать приоткрыла дверь к нему в комнату.

— Пошла?.. — спросил Серега.

Лицо у матери стало добрым. Зажмурилась на секунду, кивнула.

— Щикатурить?

Снова она кивнула — это мать так с Сережкой разговаривает, чтобы не перебить ему сон.

— Ну, давай, щикатурь, — сказал Сережка. — Я, может, посплю еще...

Но сон больше не шел к Сережке, и он, наконец, отвернулся от стенки и вылез из-под одеяла.

Прямо перед собой на противоположной стене он увидел часы. Желтый маятник качался туда-сюда, а черная кошка сверху стреляла за ним голубыми глазами.

Серега тоже поводил глазами туда-сюда, стараясь не отставать от кошки, но это ему скоро надоело.

Он встал с кровати, подтащил к стене стул и подставил под маятник палец. Желтый кружок наткнулся на палец, кошка завела зрачки в сторону, да так и осталась висеть со скошенными глазами.

— Ну что, мяу-мяу? — спросил у кошки Разводчик.

День только начинался, а это была уже вторая победа Сережки-Разводчика. Он подмигнул самому себе, легонько тюкнул по маятнику, чтобы часы снова пошли, и спрыгнул со стула.

На кухне Сережка достал из стола большую зеленую кастрюлю, в которой мать хранила хлеб, и отломил от булки здоровенный кусок. Половину этого куска он бросил на

кровать, чтобы съесть потом самому, а с остальной прошел на балкон.

Было еще очень рано, и бетонный пол холодом обжег подошвы Сережкиных ног. На железных поручнях балкона висели капельки росы. Росой были покрыты и крыши двухэтажных домов, которые раскинулись поближе к Маяковой горе.

Сережкин дом был первым пятиэтажным домом в поселке, и Сережка очень гордился этим. Правда, теперь он не единственный, и за ним настроили уже вон сколько пятиэтажных, но Серега был убежден, что все равно солнце первым делом заглядывает к нему в комнату, а потом уже идет гулять по поселку.

Правда, сейчас оно еще не совсем поднялось над темным холодным лесом. Оно еще держалось за него тонкими серебряными лучиками.

Лучики удлинялись, растягивались и вот-вот должны были оборваться. И тогда солнышко поплывет по синему небу, как летит шар, который пустили где-то очень далеко, и потому кажется, что поднимается он слишком медленно, почти незаметно.

Лучи, наконец, оборвались, и Сережка перестал наблюдать за солнцем.

На балконе стояла большая деревянная клетка. За металлической сеткой топтались в ней голуби. Два голубя, если говорить, честно.

А чего тут скрывать? Ведь у каждого в мире мальчишки есть сначала один голубь, потом — два, потом — целая стая, так что он

даже не знает, за каким и смотреть, когда они разлетятся во все стороны в большущем-пребольшущем небе.

Он протянул голубям ладошку, на которой лежали хлебные крошки, и они тюкнули в ладошку мягкими клювами, но потом отошли и снова закружились один вокруг другого.

«Конечно, у них и так достаточно всякого корма», — подумал Сережка, и слизнул крошки.

Потом он положил подбородок на холодные перила и глянул вниз. Там росла рыжая трава, прибитая его, Сережкиными ногами, сейчас на ней тоже еле заметно серебрилась роса, а ровно над кромкой балкона стояла среди травы консервная банка с отогнутой крышкой. Как будто нарочно ее тут поставили...

Сережка втянул голову в плечи и глянул по сторонам. На улице было тихо.

Тогда он опустил руку к трусам и прильнул животом к железным прутьям, пытаясь попасть в консервную банку...

Рядом вдруг раздались пулеметные выстрелы. Из-за дома выбежала на улицу толпа мальчишек, а впереди всех с самым настоящим деревянным пулеметом на груди несся командир мехколонцев Генка Дерибаска.

Сережка шмыгнул в комнату и, даже не взглянув через окошко, куда побежали мехколонцы, снова юркнул под одеяло.

Он осторожно провел кончиками пальцев по шраму на голове. Совсем еще недавно

там выстригли ему волосы, а теперь пальцы колола совсем короткая щетина.

«Нет уж, довольно», — подумал Сережка. — Навоевались. Хватит»

2

Когда на Антоновской площадке не построили еще ни одного домика, и все жили в палатках, мальчишек здесь не было. Не потому, конечно, не было, что они побоялись бы замерзнуть в спальном мешке или там день-другой прожить без воды. Уж как-нибудь не замерзли бы, точно.

А просто взрослые убеждены, что им надо обязательно все сделать самим, а ребят привезти уже на готовенькое.

И они сами сначала жили в палатках и строили эти вот двухэтажные домики, которые стоят теперь рядом с пятиэтажным Сережкиным дворцом. Еще они построили баню, маленькую котельную, магазин, и тогда уже в поселке поселились первые пацаны. И Сережка тоже тогда приехал.

Сначала их было мало, и все они хорошо знали друг друга. Борька Амосов да Валерка Косачев, он вот, Сережка, да еще там некоторые, совсем малыши.

Целыми днями они мотались из конца в конец по поселку, и дел у них всегда было по горло. Нужно чуть-чуть докрасить стенку — пожалуйста, нужно помыть машину — тоже можно. Уж чего-чего, а это умеет каждый.

И никто ни с кем не ссорился, потому что ссориться было просто не из-за чего. В последний, например, мирный день они с утра до вечера таскали из дома в дом за электриком дядей Сашей всякие там штепсели и розетки, и многим досталось в тот день, потому что домой все пришли очень поздно.

Но не могли же они бросить работу — дядя Саша говорил, что завтра на стройку должны приехать, может, сотня, а может быть, и две, новых рабочих, и будут они, бедные, сидеть без света, если не прибить на стенках эти самые штепсели и розетки.

И вот, наконец, дождались они этих рабочих. С утра перед магазином поставили большой грузовик и прибили к нему красный плакат. На нем было написано белыми буквами: «Привет славным труженикам мехколонны!»

Мальчишки все спрашивали друг у друга, что такое мехколонна, а один шофер объяснил им, наконец, что мехколонна — это бульдозеры и экскаваторы, и всякие другие машины, каких душа твоя желает. И все были очень рады, потому что в поселке было очень мало всяких машин, а без них никак нельзя начинать строить завод. А строить уже было пора — об этом говорили везде в поселке, и даже Москва передавала это по радио.

И вот мальчишки с утра уселись на крыльце магазина и ждали, когда же появятся славные труженики мехколонны. Но их все не было и не было, и тогда все решили идти на сопку и смотреть на дорогу оттуда.

Было, наверно, уже за полдень, когда на дороге показалось вдалеке большое облако пыли. Все хотели уже бежать обратно в поселок, но тут кто-то заметил, что это вовсе не грузовики, а бульдозеры. И в самом деле скоро вдалеке показался бульдозер. Над ним развевался красный флаг.

Тогда они бросились навстречу бульдозерам и замахали бульдозеристу кепками и просто руками. Он им тоже махнул в ответ, и тут они увидели, что рядом с бульдозеристом сидят двое незнакомых мальчишек. Серезка и все тоже помахали рукой и этим мальчишкам, но один из них показал кулак, а другой соорудил такую рожу, что все сразу опустили руки.

Мимо прошел уже второй бульдозер, и тут мальчишки увидели такое, отчего все рты пораскрывали. За рычагами был пацан, самый обыкновенный пацан, даже рыжий, а бульдозерист рядом с ним дремал, надвинув кепку на глаза. Руки у этого пацана за рычагами были, конечно, заняты, но он все равно сумел одну как-то освободить и тоже показал им кулак.

— Задаваки, — сказал Борька Амос. — По такой дороге и дурачок сможет ехать...

Но все-таки им было, конечно, обидно, тем более обидно, что за этой, второй машиной шли другие, а за рычагами в них сидели тоже пацаны, и все они смотрели на антоновских так, как будто эти мехколонцы только что прилетели с Марса, а не едут со станции, до которой, прямо скажем, не больше тридцати километров.

И все антоновские поплелись обратно в поселок и, наверное, нарочно громко рассуждали о том, что вести бульдозер — это, вообще-то, сущий пустяк, и всякий это сумеет сделать, пусть только его посадят за рычаги.

Но разве не будет вам, скажите, обидно, если вы вчера до двенадцати ночи ставили розетки в тех домах, где будут жить эти задаваки?

Мальчишки пришли в поселок раньше, чем сюда добрались бульдозеры, но настроение все равно было уже испорчено. Валерка Косачев предложил даже, пока не поздно, бежать в те дома, где они вчера проработали до ночи, и посрывать со стен все до единой розетки. Пусть тогда попробуют посидеть вечером без света!

Но отрывать розетки было все-таки жалко, и все снова уселись перед магазином и стали ждать. У грузовика с лозунгами собрался уже народ, но они никого не предупредили, что мехколонна скоро придет. Не стоило.

Потом вдруг из-за поворота показались самосвалы, нагруженные шкафами и перинами и вообще всем чем угодно, и народ бросился к этим машинам, и все смешалось. Минут через пятнадцать подошли бульдозеры, и тот дядька, который вел первый, и с ним еще несколько поднялись на грузовик, сняли шапки и один за другим говорили о том, что они приехали на Антоновскую затем, чтобы как можно скорее построить металлургический завод.

Все смеялись и радовались, хлопали в ладоши, и маленький Антоновский оркестр,

антоновские. И нет ничего удивительного, что антоновские сначала даже не знали, что и ответить.

Как тут в самом деле ответишь? Маляры? Штукатуры? Плотники? Они до сих пор даже не задумывались над этим, а поэтому Борька на вопрос рыжего ответил тоже вопросом:

— А по шее не хочешь?

Борька Амос — очень решительный парень, и пока рыжий, выпятив грудь, интересовался — уж не слышалось ли ему, что кто-то тут обещал дать ему по шее, Борька хорошенько съездил ему по уху

И случилось же так — с грузовика все еще говорили, что, мол, вот как хорошо, что на стройку приехала, наконец, мехколонна, и оркестр снова играл туш, а мальчишки — антоновские и те, мехколонцы — всю колотили друг друга, и их с трудом разняли потом, когда митинг уже закончился.

А на следующее утро Борька Амос собрал всех антоновских и сказал им, что, во-первых, его сейчас чуть не отлупили, когда он шел за хлебом, и что, во-вторых, все они, антоновские — супятчики, так как все их отцы работают в СУ-5, и что, в-третьих, наконец, мехколонцам надо всыпать так, чтобы их и свои не узнали. Нечего им задирать нос. Не на таких напали.

И супятчики вооружились как следует, и здорово всыпали мехколонцам, а те потом, в свою очередь, всыпали супятчикам, и с тех пор они уже столько раз всыпали друг другу, что потеряли счет поражениям и победам.

Тот, рыжий — Генка Дерибаска — стал командиром у мехколонцев, а супятчики назначили своим Борьку Амоса. Командиры никак теперь не могли помириться и ссорились из-за всякого пустяка. Зимой, когда все ходили в школу, они, кажется, не замечали друг друга, зато стоило им выйти со школьного двора, как у командиров чесались руки.

Мальчишек на Антоновской площадке становилось все больше, а потому армии супятчиков и мехколонцев становились все многочисленней, и в них сражались теперь не только мехколонна и СУ-5, но даже недавно приехавшие на стройку управления Желдорстрой, Бетономонтаж и даже скромная контора технического снабжения.

Об истоках вражды помнили теперь только ветераны Антоновской площадки, а все остальные мальчишки принимали войну как должное, и когда один из новеньких спросил супятчиков, почему это они лупят мехколонцев, ему ответили коротко:

— Как же их не лупить?.. Надо!..

Сережка тоже сначала участвовал почти в каждой битве и перед тем, как его стукнули камнем по голове, был даже ординарцем у Борьки Амоса.

Но теперь он больше не будет драться.

Мать вот говорит: они, мол, старшие, пусть сами дерутся. А чего ты встречаешь? Болтаешься там под ногами и только шишки домой приносишь. И как только тебе не надоест?..

«Довольно, — думал Сережка. — Навоевались. Хватит»

Он вышел из подъезда, когда солнышко поднялось уже над крышами двухэтажных домов. Оно перестало щуриться и смотрело на землю весело и спокойно.

На узенькой полоске асфальта рядом с Сережкиным домом девчонки из соседнего подъезда играли в классики. Они прыгали на одной ножке и толкали носком из квадрата в квадрат крупную зеленую стекляшку

«Ничего стекляшка», — подумал Сережка. Может, отобрать?»

Но в это время внимание Разводчика привлек воробей, который одиноко сидел на белом колышке заборчика, отделявшего тротуар от дороги. Воробей тоже понравился Сереге. Он, наверное, жил в котельной, потому что был весь черный от головы до пяток.

«Воробей-трубочист, — подумал Разводчик. — Воробей-кочегар»

Воробей сидел совсем рядом, и Сережка сделал вид, что он спокойно себе лезет в карман за носовым платком. Воробьи, наверное, не знают, что в таком возрасте в карманах у мальчишек никогда не бывает платков, а лежат лишь туго смотанные рогатки.

Сережка повернулся к воробью боком и незаметно вложил в кожаный язык небольшой круглый камешек.

«Все, спекся», — подумал Сережка, поднимая рогатку

Но воробей вдруг, коротко чирикнув, камнем упал вниз и полетел за заборчиком.

За спиной у Сережки захихикали девчонки.

Оказывается, эти выдры давно уже наблюдали — убьет ли Разводчик воробья.

Тогда Сережка, растянув рогатку книзу, медленно подошел к девчонкам. Они несмело расступились.

В неровном квадрате, кирпичом начерченном на асфальте, лежала зеленая стекляшка. Она была очень красивая, эта стекляшка, и ее края искрились на солнце.

— Мак? — спросил Сережка, еще больше оттягивая над стекляшкой кожаный язычок с круглым камнем.

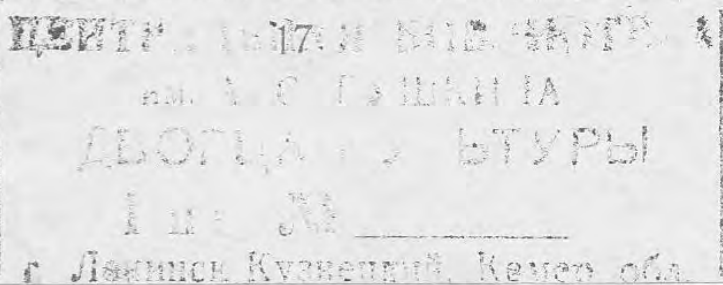
Он отпустил язык, и под ноги девчонкам брызнули зеленые осколки. Там, где лежала стекляшка, на сером асфальте виднелась только голубоватая пыль.

— Дурак! Дурак, а не мак! — закричали девчонки, но Серега уже шел от дома, деловито сматывая рогатку

— А еще с орденами! — крикнула ему вдогонку одна из девчонок, и он не без гордости скосил глаза на свою грудь.

На вельветовой куртке Разводчика в три ряда висели большие разноцветные значки. Если кто знал в точности, что они обозначают, он бы сразу догадался, что их обладатель — отличник-артиллерист и авиамеханик первого класса, а также старший матрос, который давно уже сдал нормы ГТО второй ступени и совершил сто прыжков с парашютом.

Вот какой был, оказывается, заслуженный человек этот Сережка-Разводчик, быв-

ший ординарец командира супятчиков Борьки Амоса.

Но расскажем все по порядку...

Дело в том, что когда на Антоновскую площадку приехала мехколонна, а потом еще мостопоезд да еще десяток всяких других организаций, дела на стройке пошли веселее. На пустыре далеко за поселком появились сотни больших и маленьких котлованов, над ними заскрипели длинные башенные краны, и по дорогам, пыля, пошли одна за другой машины с бетоном. И отцы всех супятчиков, и Сережкин в том числе, говорили дома, что вот наступает, мол, теперь на стройке разворот, а рабочих рук не хватает.

А потом по поселку прошел слух, что на Антоновскую площадку приезжают демобилизованные солдаты. Аж семьсот человек.

Все их очень ждали, и построили для них три больших общежития с высокими турниками перед каждым, чтобы солдаты могли показывать всем, какие они ловкие и сильные. Пока не было солдат, Борька Амос, по очереди подсаживая супятчиков на турник, объяснял, как нужно правильно подтянуться. А в те редкие вечера, когда никто не воевал с мехколонцами, все пацаны играли около этих общежитий в прятки, и кто-то придумал даже новую считалку:

Аты-баты, аты-баты
Приезжают к нам солдаты.
Привезет их на вокзал
Настоящий генерал...

Правда, потом, когда приехали солдаты, генерала с ними не оказалось. Но ребята не очень огорчились, потому что и вокзала на Антоновской площадке тоже не было. Это они сами уже сочинили — и про вокзал, и про генерала...

Но зато что за солдаты приехали на стройку! Во всем новеньком, стройные, они с вещевыми мешками и чемоданами неторопливо шли к своим общежитиям. И каких только значков не было у них на гимнастерках, потому что тут ведь шли и отличники-артиллеристы, и авиамеханики первого класса, и танкисты, и десантники, которые совершили уже по сто прыжков с парашютом. Среди них небольшой группой шли самые настоящие моряки-балтийцы, и это у них, конечно, были прикреплены к форменкам синие значки отличников Военно-Морского Флота.

Все улыбались солдатам, что-то кричали им, нарядные антоновские девчата дарили им букеты огоньков, а мальчишки бежали вслед за ними от самых автобусов и кричали так жалобно, как будто от этого зависело все их босоное счастье.

— Дядь! Дай звездочку, дядя!..

И некоторые тут же прямо снимали с фуражки красную звездочку и отдавали ее ошалевшему от радости мальчишке.

Нет, то были замечательные деньки!

Правда, сначала Серегу оттеснили в сторону и кто-то больно наступил ему ботинком на босую ногу, но потом все устроилось как нельзя лучше.

В то утро мать послала Сережку в магазин за сахаром, и там он встретил своего лучшего теперешнего друга украинца дядю Гену, которого знают почти все мальчишки на Антоновской площадке. Теперь он работает водителем самого большого, пожалуй, на всей стройке панелевоза, и никогда не проедет мимо мальчишек, чтобы не остановиться и не расспросить их о жизни.

Иногда он приглашает всех в кузов, и мальчишек набивается туда как селедок в бочке. Панелевоз медленно едет по главной улице, а дядя Гена с перерывами жмет на сигнал, и сигнал кричит, как курица: куд-куд-кудах!

Только он так и умеет сигналить. Потому его и прозвали мальчишки — дядя Куд-Куддах.

Но он вовсе не обижается на это, а только смеется, когда мальчишки ему кричат:

— А ну, покукарекай, дядя Куд-Куддах!

В то утро Сережка подошел к нему в магазине и тихонько сказал:

— Добрый день, дяденька солдат!..

— Здравия желаю, товарищ мирный строитель! — сказал тогда дядя Куд-Куддах. Сказал так серьезно, что Сережка даже обернулся — уж не поздоровался ли солдат с кем-либо другим. Но солдат наклонился к Сережке, его густющие брови — Сережка таких еще в жизни не видел — отодвинулись друг от дружки, и он проговорил уже весело. — Хозяйством, значит, занимаешься? Тоже надо! Куплю-ка я тебе за это конфет...

И он в самом деле купил Сережке вкус-

ных тянучек и пригласил заходить к нему в гости.

Как раз в это время Сережка копил деньги на перочинный ножик, но в тот же вечер он решил пойти к своему новому другу, а без подарка идти было вроде бы неудобно.

Сережка снова пошел в магазин и купил там кубиков десять кофе.

— Вот, — сказал он дяде Куд-Кудаху — Свари себе, пожалуйста... Моя мамка знаешь, как вкусно его варит!..

Сережка рассказал, конечно, что он — один из самых что ни на есть первых жителей Антоновской площадки и однажды ночевал с отцом в палатке, когда мать ездила к бабушке.

Потом они сидели и болтали о том, да о сем, и новый Сережкин друг спросил неожиданно:

— Подожди-ка, а звездочка у тебя есть? Нема? И значков нету?..

Сережка рассказал ему, как вчера, когда встречали солдат, какой-то пацан наступил ему на ногу и вот, пожалуйста, до сих пор виднеется на ноге след от ботинка.

— Да ты что? Ноги вечером, небось, не моешь? — спросил дядя Кудях, рассматривая след, и его брови зацепились одна за другую.

— Мыл-мыл, — сказал Разводчик, краснея. — А она никак не отмывается!..

— Так ты ее нынче с мылом, да с мочалкой, договорились? — сказал дядя Кудях. — А без значков гвардейцу никак не годится. Тем более, ты ж у нас — ветеран!..

Дядя Кудах нашел свою старую пилотку и сам лично надел ее Сережке на голову. А потом они пошли по всем комнатам, где жили солдаты, и Сережкин друг говорил в каждой:

— Вот тут со мной гвардеец... Ветеран Антоновской площадки. В палатках еще жил... А орденов пока не заработал... Так давайте, хлопцы, кому какой не жалко.

Все прицепляли к Сережкиной вельветке значки, а он все время поправлял на своей голове пилотку. Она ведь была немножко великовата и все время съезжала на нос, когда Сережка пытался взглянуть на свою грудь.

Некоторые не хотели отдавать значков, и тогда дядя Кудах говорил:

— Повоевали — хватит... Ты теперь звездочку за доблестный труд зарабатывай. А свои ордена — моему другу...

И он снова принимался рассказывать, как страшно было будто бы ему, Сережке, когда он ночевал в палатке, но Сережка все равно не отступил перед трудностями, и вот он, пожалуйста, перед ними — жив, здоров и хвост морковкой.

В конце-концов у Сережки стало столько всяких орденов, что дядя Кудах сказал, присев перед ним на корточки:

— Однажды к нам в часть приезжал трижды Герой Советского Союза товарищ Кожедуб. Летчик. Слышал про такого? Так вот, сдается мне, Серега, что у него наград всяких поменьше, а?

Потом Сережка распрощался и у двери

стал снимать свою вельветовую куртку

— Зачем это ты ее снимаешь? — спросил дядя Кудах.

— У-у, отнимут! — уверенно сказал Сережка.

— Кто?

— Есть тут такие, — ответил Сережка. И добавил шепотом — мехколонцы! Дерибаска у них командиром...

— А ну, одевайся!

Дядя Кудах взял Сережку за руку, и они вместе пошли по поселку. И все мальчишки, конечно, умирали от зависти, потому что ни у кого, во-первых, не было столько значков, и ни у кого, во-вторых, не было такого друга, как старший сержант дядя Гена.

На углу одной из улиц на черной плешке асфальта стоял большой каток. Его как воробы облепили мехколонцы. И все были вооружены до зубов, потому что Генка Дерибаска был хитрый и коварный полководец.

Когда мехколонцы увидели Серегу, они сразу перестали кричать и возиться и во все глаза уставились на Разводчиковы ордена. Они так вытянули шеи, что чуть не попадали с катка, и только Генка Дерибаска делал вид, что это ничуть его не интересует, и равнодушно смотрел в сторону

— Вот, рыжий, на нас не смотрит, — прошептал Сережка.

— Дерибаска?

— Ага!..

Дядя Кудах довел Сережку до подъезда, а на обратном пути все-таки поговорил, наверное, с Дерибаской.

Почему же иначе Дерibasка никогда больше не колотил Серегу, если встречал на улице? Он даже не раз уговаривал его перейти к мехколонцам, потому что армия, мол, у них лучше и они все равно, в конце концов, побьют супятчиков.

Но Серега не соглашался на такое предательство.

Зато Борька Амос на следующее утро назначил его своим ординарцем — разве не приятно, если у тебя такой заслуженный ординарец, у которого вся грудь в орденах и медалях?

И Серезка храбро сражался, и всегда шел впереди, пока ему не пробили голову

После этого Разводчик два дня не выходил из дома, а когда вышел, сразу же отправился к дяде Кудаху

И все снова глядели на Серегу, потому что кроме орденов у него была теперь еще белая повязка на голове.

— Ранили? — спросил дядя Кудах.

— Ага, — охотно согласился Серега. — Еще как!..

— Чему ж ты радуешься?

Дядя Кудах долго говорил о том, что вот он немножко освободится, только вот выберет чуточку времени, и тогда сам возьмет за пацанов, а то они совсем отбились от рук и вообще могут натворить в поселке шут знает что.

Серега все соглашался и кивал своей забинтованной головой, а дядя Кудах вдруг спросил почему-то, как называется у супятчиков их отряд.

— Чапаевский! — гордо сказал Серега.

— А у мехколонцев?

— У них — Щорса! — без прежней гордости сказал Разводчик.

Дядя Кудах долго объяснял ему, кто такой Щорс, а потом спросил:

— Вот ты теперь мне и скажи: стал бы воевать Щорс против Чапаева?..

— Ни за что! — ответил Сережка.

— А вы чего не поделите?

На этот вопрос ответить было, конечно, куда сложнее, и Разводчик промолчал.

Но он решил больше не воевать, хотя оба полководца и все пацаны то и дело приглашали его в свои армии. Приятно ведь, когда рядом с тобой служит храбрый ветеран, израненный в боях орденосец.

Сережка теперь разводил голубей, которых привез ему однажды из города дядя Куд-Кудах и был, наверное, самым смиренным пацаном на Антоновской площадке...

4

Сережка медленно брел по поселку, размышляя, чем бы это ему заняться.

На небольшом пустыре между домами, чихая синим дымком, дергался экскаватор. Сережка долго стоял и, ковыряя в носу, сосредоточенно смотрел, как зубастый ковш ползет по стенке котлована, выбирается наружу и плюхает в кузов большущего МАЗа черную-пречерную землю.

Земля ссыпалась со спины машин, когда они шли от котлована, потом по ней шли другие машины и тоже рассыпали землю. А так как вчера только прошел дождь, и кругом было еще сыро, вслед за машинами тянулись по зеленой траве две глубокие колеи, тоже черные-пречерные. И каждая из них задними колесами была разделена на две рубчатые ложбинки, между которыми змейкой вился островерхий хребет.

Серезка выбрался на одну такую колею, и пошел по ней, и у каждой его ноги была теперь своя дорожка. Левая шла по левой колее, правая — по правой.

Впереди скатился с асфальтовой дороги и пошел по колее прямо на Серезку громадный МАЗ. Но Серезка не стал пока сходить с колеи. Само собой разумеется, что интереснее сойти, когда машина будет совсем рядом.

И вот уже надо было сходить, и он уже собрался стать обеими ногами на одну рубчатую колею, как вдруг он увидел что-то и это что-то заставило его остановиться.

Чуть впереди него на маслянистой черной грязи, выдавленной тяжелыми колесами, сидела, опустив голубые крылышки, маленькая стрекоза.

Она тарацила на машину свои выпуклые зеленоватые глаза и не двигалась с места, а машина, блестя холодными фарами, шла на нее спокойно и неумолимо.

«Больная! Больная стрекоза», — подумал Серезка.

Он снова глянул на машину, которая была теперь совсем рядом, сердце у него екну-

ло, и он отступил было на шаг, протягивая все-таки руку вперед, к голубой стрекозе, потом закрыл глаза и шагнул навстречу машине.

МАЗ качнулся и замер перед мальчишкой в двух его, Сережкиных, шагах.

Сережка нагнулся над стрекозой, взял ее за голубые, с прожилками, крылышки и только потом взглянул на машину

На капоте, грозно замер большой серебристый зубр. Сережке показалось вдруг, что это он недовольно сопит, рычит тяжело и грозно, и рывкнет сейчас так, что у тебя мурашки побегут по коже.

Машина тряслась и фыркала, от нее веяло жаром, пахло горячим железом и нагретой резиной.

Сережка снова замурился и, вытянув вперед руку со стрекозой, перескочил через колею.

Когда он открыл глаза, машина тяжело шла мимо, а шофер, парень в выцветшей гимнастерке, высунулся из кабины и, приложив к виску кончики пальцев, улыбался Сереге. И он вдруг вспомнил про свои ордена, и тоже заулыбался и отдал доброму шоферу честь, вскинув к пилотке, правда, левую руку, потому что в правой у него была стрекоза.

Сергея засмеялся еще громче, подпрыгнул высоко-высоко и подкинул стрекозу в синее-пресинее небо. А когда она зашуршала крылышками, осела на маленький кустик, он совсем перестал за нее волноваться, снова шагнул на колею и побежал дальше —

левая по левой ложбинке, правая — по правой.

Он попытался даже бежать вприпрыжку, но это у него не вышло, так как подпрыгивать можно ведь только на сухом месте.

Впрочем, сейчас этого и не стоило делать. Сережка очень дорожил своим авторитетом орденоносца, а навстречу ему, так же по колее — левая по левой, правая — по правой, шел как раз в это время младший брат Валерки Косачева, комиссара супятчиков. Того самого Валерки, который сегодня утром так безуспешно пытался втянуть Сережку в новую военную авантюру

Младший брат комиссара носил кличку Детсад. Как-то он сказал мальчишкам, что его записали в детский сад, но вот прошел уже почти год, а сад, в который должен был ходить Косаченок, так и недостроили, зато кличка прижилась.

Теперь Детсад шел, низко опустив лобастую голову, и Сережка тихо остановился, выпятив грудь и ожидая, что этот вот Косаченок, уткнется сейчас в него, в Разводчика.

И младший брат комиссара в самом деле ткнулся лбом в Сережкин живот, зашипел как кошка и поднял на Разводчика глаза.

— Нашел занятие! — покачав головой, сказал Сережка.

— Насол! — сурово ответил комиссарский брат — А тебе сто?

Сережка покачал головой: несолидный человек этот Косаченок!..

Недавно на проспекте Первых Добровольцев около киоска с газировкой поставили

большую урну — железный ящик с ножками. Ящик этот, всегда пустой, стоит возле заборчика, и Косаченок залазит в него, раскачивается, держась рукой за забор, и орет песню про какого-то волшебника.

— Эх ты, — сказал теперь Серега. — Никогда ничего умного не придумаешь!..

Они постояли еще друг перед другом, и младший Косачев вдруг презрительно спросил:

— А ты посиму дома?..

И так как Сережка ничего не ответил, сказал так же сурово:

— Знаис, ты — не Лазводчик. Ты — плидатель!..

Это невежливое, мягко говоря, замечание задело Серегу, но он не любил связываться с младшими. Тем более, если они были братьями выдающихся полководцев, каким, без сомнения, считался на Антоновской площадке Косачев-старший.

— А я стрекозу спас! — примирительно сказал Серега.

— Сто? — спросил младший брат комиссара. — Подумаис!

— Ладно, иди-иди, — сказал Сережа будто бы серьезно. — А то в детсад опоздаешь...

Комиссарский брат прищурился. Ему нечем было крыть, и тогда он медленно сказал:

— Как дам по ложе!

Впрочем, в его голосе не было большой решительности, и Сережка даже оглянулся, нет ли кого поблизости на тот случай, если он стукнет все-таки по шее этому Косачеву

Но мимо шли девчата в робах и улыба-

лись, глядя на Сережкины ордена, и он, вздохнув, сошел с колеи, уступая дорогу Косачеву-младшему

«Нет, — подумал Сережка. — Хватит заниматься пустяками»

И он решительно направился к двухэтажному зданию, на котором висело много всяких вывесок, написанных на стекле, и у которого стояло множество легковых автомобилей.

Дело в том, что у Сережки была еще одна немаловажная причина гордиться своим домом. В его подъезде этажом выше жили Славка и Старик.

Славка — это комсорг стройки, высоченный, в клетчатой ковбойке, лыжных штанах и в баскетбольных кедах. У него был мотоцикл, и он часто катал Сережку, и всякий раз спрашивал его про голубей. А Старик — тот работает в газете, у него есть пишущая машинка и вообще, чего только у Старика нет.

Но главное было, конечно, не в этом.

Дело в том, что со Славкой и Стариком всегда можно было поговорить по душам, и Сережка заходил к ним всякий раз, когда шел мимо треста. Он спрашивал их, как идут дела, да что у них новенького, а они тоже спрашивали его и тоже, между прочим, каждый раз отговаривали идти на войну. И после того, как Разводчика назвали предателем, ему, наверное, невольно захотелось поговорить со своими единомышленниками.

Сначала Сережка все-таки остановился

перед легковыми машинами. Какой, скажите, уважающий себя пацан равнодушно пройдет мимо легковушки, даже если ей, этой легковушке, вечером исполнится сто лет?

А тут одна рядом с другой стояли три новеньких «Волги» — две голубые и одна белая-белая, как молоко. Только они, видно, приехали издалека, потому что снизу были уж слишком забрызганы грязью. Конечно же, приехали издалека. Зачем, скажите, «Волга» на стройке? Так, баловство одно, подумал Сережка.

Сначала он боком обошел их, а чтобы обходить их не так просто, не без дела, пальцем провел на каждой по полосе. Затем он чуточку полюбовался оленями, а потом вернулся к багажникам.

Присев на корточки около «Волги», он поплевал на измазанное грязью круглое окошко стоп-сигнала, потом задрал вельветку и полкой осторожно вытер стекло. Он отошел, чтобы не закрывать солнце, и в глаза ему брызнули сотни веселых ярко-красных квадратиков.

Как делают такие стекла? Сережку всегда волновала тайна автомобильных стекляшек, под которыми переливается разноцветная сетка. «Надо будет, в конце-концов, поговорить с Куд-Кудахом», — подумал Разводчик.

Он протер все остальные красные стеклышки, еще раз полюбовался своей работой и неторопливо пошел в трест. Он с сожалением посмотрел на оленей. Конечно, хорошо бы протереть их, но до них ведь не достанешь, а

если залезть на колесо, то еще, чего доброго, поцарапаешь орденами краску на крыльях, и тебе потом так достанется, что пока жить будешь — будешь помнить.

Сергея одним большим шагом одолел три щербатых каменных ступеньки, юркнул в дверь под рукой у какого-то дядьки, одетого, несмотря на жару, в зеленый плащ, увернулся в коридоре от деревянной треноги, которую несла девчонка в голубой блузе и остановился перед дверью с небольшой табличкой: «Комитет ВЛКСМ»

За дверью был такой шум, как будто там стояла очередь за билетами в кино, и Сережка хотел было уже повернуть обратно, но решил все-таки заглянуть в комитет

Он открыл дверь и ничего не мог понять. В комитете было столько народу, что все, видно, не уместилось на стульях и сидели теперь даже на подоконниках.

Славка тоже сидел на подоконнике, и лицо у него было такое, какое бывает у Славки, когда он сломает свой мотоцикл и никак не может его починить.

Сережка хотел было прикрыть дверь, привстал на цыпочки и тут увидел Старика. Тот в самом центре длинного стола сидел за маленькой комитетской машинкой и очень быстро бил по клавишам.

«Только Старик так, наверное, и умеет, — в который раз подумал Сережка. — Ловко отстукивает. Как барабанщик»

Он, наверное, слишком долго любовался Стариком-барабанщиком, потому что Славка заметил его.

— А, сосед! — негромко сказал он. — Проходи, проходи... Может, дельное что подскажешь...

Он что-то сказал маленькому парню в комбинезоне, который сидел на мотоцикле, прислоненном к стене, и тот подвинулся на седле, уступая место Сережке. И Сережка сел, потому что это было его законное место. Он всегда тут сидел, когда заглядывал к Славке.

Старик оторвался от машинки, потряс кистями рук, как будто они у него были мокрые, и громко сказал всем:

— Знакомьтесь. Это наш сосед. Сережка-Разводчик. — Он подмигнул Сережке, потом оглядел парней. — Почему Разводчик? Потому, что разводит голубей!..

Все в комнате громко засмеялись, хотя Сережка ничего не видел в этом смешного, а маленький парень, который сидел с ним рядом, даже ткнул его пальцем в бок — ты, мол, даешь!

— Разводчик, смотри ты, — сказал кто-то из угла басом. — Прямо — заводчик!..

Все снова засмеялись, а рыжая девчонка, которую Сережка давно уже заметил, потому что в комитете среди парней она была одна, звонко крикнула:

— А что? Будет заводчиком! Для кого ж мы завод-то строим? Для него!..

— Богатый мужик будешь, Разводчик-заводчик, — снова сказал из угла тот, с басом.

Все смотрели на него, посмеиваясь. Сережка рад был, когда Старик перебил их всех.

— Ладно, — сказал он. — Хватит. Вам лишь бы делом не заниматься, а мне потом отдуваться за вас!..

— Да, давайте думать, — сказал Славка, и лицо у него снова стало такое озабоченное, что Сережке на минуту даже жаль стало Славку

В комитете стало тихо, потому что все стали думать. И Сережка вздохнул и тоже стал думать.

Он думал о том, что когда-нибудь он, конечно, и в самом деле будет богатый — это когда завод построят да когда он вырастет, — а пока он, Сережка, прямо бедный, потому что никак не может решить. предатель он все-таки или нет?..

— Ты подожди нас, посиди маленько, — перебил вдруг Старик Сережкины мысли. — Мы тут почин один обмозговываем...

Он положил на машинку руки и лег на них головой, а потом вдруг отдернул голову и засверлил Сережку глазами:

— А знаешь ли хоть ты, Разводчик-заводчик, что такое почин?

«Вот уже и Старику понравилось, — подумал Серега. — Разводчик-заводчик. Как бы не прицепилось. Будут потом кричать на улице»

Он покачал головой: нет, не знаю.

«Скажи им слово, так они, небось, так к тебе прицепятся, что потом не отстанешь», — подумал Сережка.

— Почин, — серьезно сказал Старик, — это когда кто-нибудь начинает очень хорошее дело. Как бы тебе объяснить. — Он замаялся

маленько, а потом сразу повеселел: — Ну, вот шатаетесь вы по улицам и разбиваете друг другу носы. А нашелся бы из вас, предположим, дельный парень, который сказал бы: хватит, кончаем. И перестал бы воевать. И все бы сказали — правильно! Дошло?

— Дошло, — обрадованно сказал Сережка, потому что как раз этот-то разговор разрешал все его сомнения. Выходит, он, Сережка, вовсе не предатель, а...

— Значит, я уже — починщик? — спросил он очень серьезно.

А все в комнате вдруг так захохотали, что в окнах глухо вздрогнули стекла. Ничего не понятно.

— Ну вот, договорился, — отдышавшись, сказал Старик. — Сначала Разводчик, потом — Заводчик, теперь новенькое — Починщик! Да почему же ты — Починщик?

— Да потому что я бросил воевать, вот! — обиделся Сережка. — Ты же сам знаешь!

— Ты-то бросил, Сережик, — ласково сказал Славка. — Но остальные ведь дерутся. Да еще как! Верно?

— Выходит, твой почин не подхватили, и он погиб, — ткнул в Сережку пальцем Старик. — Вот как у них вот, понимаешь?

Теперь он ткнул пальцем в сторону Славки, но тот только махнул рукой и сказал:

— Ты, Сережка, не обижайся. Все это ведь очень серьезно...

«Куда серьезнее, — подумал Сережка. — Что если тебя бы вот или Старика назвали предателем? Как бы вы тогда?..»

— Между прочим, ребята, обратите вни-

мание, — говорил Славка. — Вы только задумайтесь, ребята! Взгляните вот, — он указал рукой на Сережку — Это же, как говорится, наболевший вопрос сам пожаловал сегодня к нам в комитет...

Сережка хотел было снова обидеться, потому что он теперь, вдобавок ко всему, выходит еще и кто? Наболевший вопрос?..

Но Славка говорил, кажется, дельные вещи:

— Лето вот, и пацаны не в школе... А ничего такого пионерского у нас пока нет... Создали они две разбойничьи армии и квасят друг другу носы. Да хорошо, если носы... Нашему Сережке-то вон голову раскроили...

— Покажи, Сережка! — попросил Старик.

И Сережка охотно наклонился, чтобы всем было видно, и осторожно дотронулся до выстриженной плешки — тут!

— Надо нам с вами что-то решать, ребята... Я говорил с Казарцевым, но разве его растрясешь? Его сейчас медной проволокой режут сверху...

Казарцев — начальник стройки. Большой такой, толстый и с красным носом. Серега его несколько раз видел. Только кто же, интересно, режет его сверху медной проволокой, если его все боятся, потому что у него такой могучий голос, что он даже им не разговаривает, а как будто рычит? Как лев.

И пока Сережка рассуждал про Казарцева, да о том, кто это его не боится и режет, и как это вообще можно резать человека медной проволокой, да еще сверху, он, наверное, что-то пропустил мимо ушей, потому что го-

ворил уже не Славка, а тот, с басом, который первый назвал его Заводчиком.

— Я от производственников скажу, — гудел он. — Хотя бы от нас, от бетонщиков. Ведь что получается, Слава. — Парень комкал в огромных ручищах кепку и смотрел на Славку почему-то жалобно. — Тут некоторые наши ребята маху дали. Получили квартиры и стариков своих сюда вызвали. Ну, те приехали — здрасте, мол. Но это ладно. Это еще полбеды...

— Чего ты там несешь? — перебил парня с басом Старик, и Сережке показалось сначала, будто он недоволен тем, что тот затрагивает стариков.

— ...полбеды, — упрямо пробубнил бас. — Сидели бы они себе дома или еще там что. Так нет же. Во все дырки эти пенсионеры влезают. Насоздавали всяких комиссий — и влезают.

— Вот хотя бы мы, бетонщики, — парень ударил себя кепкой в грудь. — Льешь бетон, а они, понимаешь, тут шныряют, принохиваются. Как будто это суп...

На этом месте Старик хихикнул, и Сережка подумал, что, может быть, говорят про смешное, и ему тоже стоит хихикнуть или хотя бы шмыгнуть носом, но все другие сидели спокойно, и Сережка раздумал и стал смотреть на парня, который сказал про суп.

— Нет ли где браку там, смотрит, раковин нет ли, — сказал парень и пошарил перед собой руками, как будто искал что-то.

— Вот-вот, — хихикнул снова Старик, а

парень глянул на него по-бычьему, перевел дух и закончил вдруг жалобно:

— Возьмите их от нас, Слава, пусть жизнь не отравляют... Возились бы лучше эти пенсионеры с детишками...

— А ты бы — брак? Да? — сказал Старик.

— Да нет, пусть не брак, — вскочила рыжая девчонка. — Дело не в этом. — Она говорила быстро и то и дело поправляла рыжие волосы.

— Ты вот скажи ему, этому дурню, скажи, Сережка: хотел бы ты играть с пенсионерами?

И Сережка только здесь понял, к чему клонил здоровенный парень и почему он комкал кепку, и понял тоже, что от него ждут ответа, что нет ведь, никак не интересно будет играть ему с пенсионерами.

Поэтому он сделал такое лицо, как будто ему очень хотелось спать, и сказал:

— Со скуки с ними помрешь!..

Все прыснули, а девчонка уткнулась в ладошки, и ее рыжие косички затряслись, как будто кто дергал их за ленточки.

— Ну, ты это, положим, брось, — строго сказал Старик.

Но, во-первых, Сережка хорошо знал, что Старик совсем не умеет сердиться, а, во-вторых, ему нравилась рыжая девчонка, и он еще раз солидно сказал:

— От скуки помрешь... Это точно... Вчера вон уже несли одного хоронить...

Это была Старикова поговорка, и он прыснул, конечно, а Серега очень обрадовался, что угодил в самую точку

— Послушайте, — хлопнул в ладоши Славка. — Послушайте все минутку Ты, Сережа... поймешь ли это, а? Очень много всяких дел, не знаешь, за какое и браться...

Славка махнул рукой и соскользнул с подоконника.

— В общем, ребята, как-нибудь мы займемся этим вплотную... А пока давайте вернемся к нашему почину...

5

«Поймешь, поймешь, — думал Сережка. — Чего ж тут не понять?»

Он шел по неглубокой, выложенной битым кирпичом канаве, которая тянулась рядом с бетонкой. По бетонке то и дело проносились машины. С треском разрывали воздух тяжелые МАЗы, шурша шинами ползли длинные, похожие на больших жуков, цементовозы, грохоча и подскакивая, катились высокие машины, нагруженные огромными металлическими трубами.

Иногда Сережка выбирался из канавы на обочину и торопливо тянул вверх руку, но никто не останавливался. Машины шли здесь на сумасшедшей скорости.

Тогда Сережка снова спускался вниз и топал по кирпичам. Иногда кирпичей было не видно из-за песка, который нанесла прошедшая здесь недавно вода. Сережка ставил ногу потверже и оборачивался потом, глядел на свои следы.

«Чего ж тут, собственно, не понять, — ду-

мал Сережка. — Все понятно. Просто взрослым очень некогда. Очень они спешат. Вон сколько всего понастроили»

Может, и для него, для Сережки, строится этот завод? Да не может, а точно. Для кого же иначе? Вот и отец так говорит для тебя, мол, завод строю. Для Сережки. А отец у Сережки — бригадир. Значит, точно знает. Недаром он иногда так дома и говорит: бригадиру, мол, положено все знать.

И вот на площадке взрывают землю, копают такие котлованы, что упадешь в него — в жизни не выберешься, кладут кирпичи, сваривают железо, и все торопятся, торопятся...

Вот, пожалуйста, хоть сейчас. Нет остановиться на минутку и посадить пешего человека! Боятся потерять время.

Он оглянулся и увидел, что его догоняет старый обшарпанный самосвал. Одной фары у него не было, он был одноглазый. Шел самосвал очень медленно, и Сережка решил еще раз попытаться счастья.

Упираясь ладошками в колени, он поднялся по крутой кирпичной стенке и поднял руку

Шофер уже распахнул дверцу, но Сережка все-таки деликатно спросил, можно ли ему сесть.

— Свой брат-солдат... Как не подвезти! — улыбнулся шофер. — Давай, давай, скорее...

Сережка занес ногу, но не достал до подножки. Мешали узкие штаны, из которых он давно уже вырос, и которые давно уже мечтал порвать так, чтобы носить их было совсем уже невозможно.

А мотор работал, и человек ждал...

Тогда Сережка взял свой правый ботинок обеими руками и попытался поставить его на подножку

— Ну? — крикнули из кабины.

— Штаны мешают, — жалобно сказал Сережка.

Тогда шофер, не вставая из-за руля, прилег на сиденье, схватил Сережку под руку и легко поддернул вверх.

Сережка не успел еще как следует сесть, а водитель уже захлопнул дверцу, и машина уже снова шла по бетонке.

— Эх, пехота, — сказал водитель.

Сережка подвинулся к нему поближе и сразу же провалился куда-то между пружинами, и они больно уперлись в него. Он взялся обеими руками за ручку и попытался подняться, но у него снова ничего не получилось, и шоферу снова пришлось выдергивать его из выбитого в сиденье гнезда.

— Починить надо, — строго сказал Сережка, когда уселся поудобнее.

— Конечно, надо, — подтвердил шофер. — Некогда все. — И доверительно сообщил Сережке: — Я, брат, в этом году с институтом связался — у-у!

Он замотал головой и даже на секунду закрыл глаза.

— Трудно? — спросил Сережка. И добавил тоном всезнающего человека. — Перерыв в учебе большой...

— Не говори, — вздохнул шофер.

Он все больше нравился Сережке. Во-первых, он остановился и даже посадил его,

во-вторых, он, как и дядя Гена, учится в институте и ему трудно учиться после большого перерыва.

— Ты Куд-Кудаха знаешь? — спросил он. — Я к нему еду... Он тоже за баранкой...

— Нет, не знаю, — ответил водитель. — Он чего — азербайджанец?

— Нет, сказал Сережка. — Он — хохол.

— Вообще-то да, — согласился парень.

Они уже проехали гараж, сбоку продымил и отлетел назад маленький асфальтовый завод. Теперь мимо проносились низенькие полигоны, над которыми ворочали шеями тонконогие краны.

— А чего ты едешь к этому Кудахову? — спросил водитель.

— Поговорить надо! — солидно ответил Сережка.

Не объяснять же ему все насчет супятчиков и мехколонцев и насчет его, Сережкиного, решения больше не воевать, не рассказывать же, как его называли предателем.

Высокий — скворечником — корпус бетонного завода уже рядом, там Сережка попросит остановить, и шофер, конечно, не станет дослушивать до конца...

— Притормози, — сказал Сережка.

— Ты тут смотри, на дороге поосторожней, — посоветовал водитель.

— Ладно, — ответил Сережка.

Самосвал ушел, а Сережка постоял немножко, выжидая, когда машин станет меньше. Но они мчались одна за другой, им не видно было конца-краю, и тогда Разводчик нагнулся и снял башмаки. Он всегда снимал

башмаки, если дорогу надо было перебежать очень быстро.

Прямо перед ним проскочила машина слева, а справа самосвалов вроде бы не было, и тогда Сережка, прижав башмаки к груди, пулей вылетел на дорогу, побежал дальше и остановился только тогда, когда был уже в лопухах далеко на той стороне.

«Не задавили, — подумал он гордо. — Никогда не задавят, если без башмаков...»

Потом он прошел под вагонами с цементом, отряхнулся от белой пыли и мимо самосвалов пошел в диспетчерскую.

Самосвалы стояли около бетонного плотным стадом, то и дело вздрагивали, ворчали и переезжали с места на место, и Сережка обходил их бочком, особенно около них не задерживаясь.

Он открыл скрипучую дверь деревянной будки и оглядел диспетчерскую. За низеньким столиком сидели двое девчат. Одна что-то писала карандашом, а другая держала в руке маленькое зеркальце и, слегка наклонившись, поправляла волосы. Волосы у нее были светлые и пушистые.

«Одуванчик», — подумал Сережка.

— Слушаю вас, молодой человек, — очень серьезно сказала с карандашом.

— Где сейчас Ивахненко? — твердо спросил Сережка.

— Ивахненко сейчас на линии, будет через полчаса-час, — пропел Одуванчик, не отрываясь от зеркальца. — Мне он тоже нужен...

Она послунила палец, пригладила бровь

и, сунув зеркальце в кармашек коричневой куртки, только теперь взглянула на Сережку

— А вообще-то сначала надо здороваться, — сказала она наставительно.

— Добрый день! — Сережка стацил пилотку

— Добрый день, вот так вот! — поклонился Одуванчик. — А зачем тебе, мальчик, Ивахненко?

— Я его на дворе подожду, — сказал Сережка, пятясь, и, упершись спиной в дверь, юркнул на улицу

«Добрый день, добрый день, — подумал Сережка. — Только тебя тут и нехватало»

Он сел на колченогую железную скамейку, которая стояла рядом с диспетчерской, и снова задумался.

Конечно, всем им некогда.

Вот дядя Кудях, тот наверняка придумал бы что-либо интересное. Он бы посадил всех пацанов на свою машину и увез бы их далеко в тайгу. И там бы они жили совсем одни, днем ловили рыбу, а по вечерам сидели бы вокруг костра и рассказывали друг другу всякие смешные истории, чтобы им не было страшно. Или он бы...

Да много бы еще чего интересного мог бы придумать дядя Кудях, хороший добрый Кудях, но ведь у него — институт. И у многих тоже. А те, у которых нет института или еще там чего-нибудь такого же, те как придут после работы, вытаскивают на балкон радиолу, крутят пластинки и всегда что-нибудь кричат вниз проходящим девчатам. Этим тоже некогда.

А сегодня вот на тебе — «Сережка, интересно ли вам было бы со стариками?»

А чего интересного, в самом деле?

Сережка представил себе высокую седую старуху с костлявыми пальцами и, конечно, в очках. Да Дерибаска же будет из этой старухи веревки вить!

Или хотя бы сам он, Сережка.

Вот утром выходит он из дома с рогаткой в кармане, а у подъезда его ожидает старуха в очках и с беленьким воротничком.

Сережка вытаскивает рогатку, чтобы сбить воробья, а старуха эта и говорит:

— Нельзя бить птичек!

Берет у него рогатку и рвет резинку на маленькие кусочки.

Конечно, может, птичек-то и в самом деле бить не стоит, но тут уж Сережка назло этой старухе сделал бы рогатку еще получше старой и не дал бы житья ни одной птичке.

Или вот хочет спасти он стрекозу. А старуха хватает его за руку своими пальцами и говорит:

— Мальчик, не лезь под машину...

А разве позволила бы она протереть на «Волге» удивительные красные стеклышки?

— А если по рукам? — строго сказала бы такая старуха.

Сережка с тоской вспомнил Славку, Старика, дядю Кудаха. Они, конечно, другое дело. Но им всем некогда...

Сережка задрал голову и посмотрел на бесконечную кирпичную стену бетонного завода, которая возвышалась над ним. Вон какую громадину отгрохали. Да это еще что!

Как-то они были с Кудахом на площадке, где будет сам металлургический завод. Там грохот, шум, скрежет.

Из земли торчат высоченные железобетонные колонны, покрытые плитами, а над ними — еще колонны, и там лазят смелые монтажники. Снизу они кажутся маленькими, не больше, пожалуй, его — Сережки.

А рядом стоит железобетонная труба, такая высокая, что пилотку приходится придерживать, когда смотришь на верхушку

И все строят, строят...

Ух, хитрые эти взрослые. Самим, значит, старики мешают, а на пацанов они просто не обращают внимания. И вот додумались. пусть-ка с пацанами возьмется старики.

И при новой мысли об этом Сережке вдруг так стало жаль себя, что он сморщился и даже покачал головой.

Уж лучше воевать. Не каждый раз ведь стукнут тебя по голове. Зато все говорят: смотрите, какой храбрый пацан! Может быть, надо было все-таки утром пойти на войну? Может быть, и в самом деле он — предатель?

Эх, если бы был здесь сейчас дядя...

— Куд-куд-кудах! — засигналили рядом, и Сережка замер на секунду, а потом вскочил и из-за будки бросился на дорогу

Но прежде чем он увидел своего друга, дверь диспетчерской открылась, и из нее, закрыв Сережку, метнулась эта девчонка, которая смотрелась в зеркальце.

Она бросилась к машине, а Разводчик сделал еще шаг и невольно остановился.

Одуванчик легко вскочила на подножку. Она взялась руками за край окошка и откинулась, и когда Сережкин друг просунул в окошко голову, девчонка надвинула ему кепку на брови и засмеялась, а он почему-то не обиделся, а засмеялся тоже.

Сережка стоял перед самой машиной, и Кудах, конечно, видел его, но почему-то не замечал. И Сережка все понял.

Он попятился за будку, и был уже совсем за будкой, когда споткнулся обо что-то и упал так, что пилотка слетела у него с головы, а он больно ударился локтями.

Не поднимаясь с земли, он посмотрел на свои руки. Крови не видно, но ладони все равно были перепачканы пылью, на них виднелись кирпичные крошки, и Сережке было очень и очень больно.

Он присел на землю, упершись спиной в деревянную стенку диспетчерской, положив голову на руки, и его плечи затряслись под выгоревшей вельветкой.

И когда Сережкин друг уже через несколько минут проходил мимо, он увидел Разводчика, который сидел все так же, уткнув лицо в колени.

— Сережка? — удивился друг, и ладошкой приподнял голову Разводчика. — Ты чего?

— Скажи, Кудах, — всхлипнул Сережка. — Я... я — предатель?

В магазине толпился народ.

У прилавка теснились девчата в заляпанных раствором шароварах. Зашли сюда, наверное, сразу после смены. Девчата суетились и щебетали, а в начале очереди с чеком в поднятой руке неловко топтался здоровенный парень в синем комбинезоне. Он говорил, что очень торопится и просил девчат пропустить его без очереди, но они смеялись и не пропускали.

Серезжка поднес к глазам осколок зеленого стекла, который только что подобрал на улице, и сразу же все вокруг стало зеленым — и девчата, и этот парень в комбинезоне, и пожилая продавщица, и булочки, которые она подавала.

Серезжка сидел на окне и ожидал, когда в магазин привезут свежий хлеб. А пока машины с хлебом не было, он развлекался тем, что болтал ногами, рассматривая всех через зеленую стекляшку

Настроение у него было отличное.

Все устроилось как нельзя лучше.

Тогда, на бетонном заводе, дядя Кудах сказал Серезжке, что он, конечно, не предатель, а самый настоящий хороший пацан.

— А, может быть, стоило сегодня сходить на войну? — спросил Серезжка. — В последний раз.

— Почему это сегодня — в последний раз? — спросил в свою очередь дядя Кудах, и Серезжка объяснил, что нынче около роши на Маяковой горе будет решающая битва.

В магазине толпился народ.

У прилавка теснились девчата в заляпанных раствором шароварах. Зашли сюда, наверное, сразу после смены. Девчата суетились и щебетали, а в начале очереди с чеком в поднятой руке неловко топтался здоровенный парень в синем комбинезоне. Он говорил, что очень торопится и просил девчат пропустить его без очереди, но они смеялись и не пропускали.

Сережка поднес к глазам осколок зеленого стекла, который только что подобрал на улице, и сразу же все вокруг стало зеленым — и девчата, и этот парень в комбинезоне, и пожилая продавщица, и булочки, которые она подавала.

Сережка сидел на окне и ожидал, когда в магазин привезут свежий хлеб. А пока машины с хлебом не было, он развлекался тем, что болтал ногами, рассматривая всех через зеленую стекляшку.

Настроение у него было отличное.

Все устроилось как нельзя лучше.

Тогда, на бетонном заводе, дядя Кудах сказал Сережке, что он, конечно, не предатель, а самый настоящий хороший пацан.

— А, может быть, стоило сегодня сходить на войну? — спросил Сережка. — В последний раз.

— Почему это сегодня — в последний раз? — спросил в свою очередь дядя Кудах, и Сережка объяснил, что нынче около рожи на Маяковой горе будет решающая битва.

Они проехали мимо маленького базарчика, где под дощатым навесом все еще сидели три бабки с мешками и вязанками лука, и стали подниматься в гору, как вдруг увидели, что им навстречу движется большое войско.

— Наши! — крикнул Сережка. — Отступают, что ли?

Дядя Кудах подъехал поближе к войску и остановил машину

Супятчики были вооружены до зубов.

Они шли, струдившись вокруг своего комиссара Валерки Косачева и о чем-то спорили, размахивая саблями и деревянными пистолетами.

«Почему это нет с ними Амоса?» — подумал Сережка.

Супятчики увидели дядю Кудаха и вдруг смолкли все сразу. Они подошли к машине и остановились молча. Кое-кто спрятал оружие за спину. На Сережку, они, казалось, не обращали внимания.

— Ну, с чем поздравить, гвардейцы? С победой? — спросил дядя Кудах.

— Победишь тут! — хмуро сказал комиссар и, воткнув клинок в землю, принялся потуже затягивать ремень. Кепка на нем была надета козырьком назад. На груди болтался здоровенный полевой бинокль, у которого был только один окуляр. Второй был заткнут бумагой.

— Да, победишь тут! — загудели, перебивая друг друга, все супятчики.

— Дерibasка — трус! — сказал комиссар, выдергивая клинок из земли.

Они проехали мимо маленького базарчика, где под дощатым навесом все еще сидели три бабки с мешками и вязанками лука, и стали подниматься в гору, как вдруг увидели, что им навстречу движется большое войско.

— Наши! — крикнул Сережка. — Отступают, что ли?

Дядя Кудах подъехал поближе к войску и остановил машину

Супятчики были вооружены до зубов.

Они шли, сгрудившись вокруг своего комиссара Валерки Косачева и о чем-то спорили, размахивая саблями и деревянными пистолетами.

«Почему это нет с ними Амоса?» — подумал Сережка.

Супятчики увидели дядю Кудаха и вдруг смолкли все сразу. Они подошли к машине и остановились молча. Кое-кто спрятал оружие за спину. На Сережку, они, казалось, не обращали внимания.

— Ну, с чем поздравить, гвардейцы? С победой? — спросил дядя Кудах.

— Победишь тут! — хмуро сказал комиссар и, воткнув клинок в землю, принялся потуже затягивать ремень. Кепка на нем была надета козырьком назад. На груди болтался здоровенный полевой бинокль, у которого был только один окуляр. Второй был заткнут бумагой.

— Да, победишь тут! — загудели, перебивая друг друга, все супятчики.

— Дерibasка — трус! — сказал комиссар, выдергивая клинок из земли.

— Ну? — спросил Куд-Кудах.

И все, перебивая друг друга, стали объяснять, что же случилось, и Сережка понял, наконец, что война просто-напросто не состоялась.

Дело в том, что Дерибаска просто не смог собрать всю свою армию, так как часть пацанов еще с вечера ушла на рыбалку. Супятчиков оказалось гораздо больше, и они даже предложили мехколонцам без боя отдать их знамя, белое, окаймленное красной лентой знамя, на котором был карандашом нарисован краснофлотец с автоматом на груди. Этого краснофлотца сам Дерибаска почти неделю перерисовывал с отрывного календаря.

Любой бы на месте Дерибаски сдался или беззаветно ринулся в бой, чтобы сражаться до конца. Но не таким был вождь мехколонцев.

Недаром Дерибаска считался самым хитрым из всех полководцев Антоновской площадки. Он велел двум пацанам что есть духу бежать в милицию и сказать им, что они только сейчас шли на гору за цветами и вдруг увидели, что там видимо-невидимо вооруженных мальчишек, которые дерутся не на жизнь, а на смерть. И что драку эту, по видимому, организовал не кто иной, как Борька Амос, есть такой хулиган и задира.

А через полчаса после того, как мальчишки убежали, из-за крайнего дома в поселке показался лейтенант Пашка. Придерживая кобуру, он бежал к березовой роще, в которой засели супятчики.

Командир мехколонцев сразу же прика-

зал всем бросить оружие в траву и раздеться до пояса. Сам он снял с древка свое знамя, закатал его в рубашку и, подстелив под спину, улегся на траве. Через три минуты лагерь мехколонцев напоминал уже не грозное войско, перед которым трепетала Антоновская площадка, а всего-навсего детский сад на прогулке. Поэтому милиционер Пашка, не обращая внимания на мехколонцев, пронесся к березовой роще и через несколько минут взял уже за воротник Борьку Амоса. В другой руке лейтенант Пашка волочил по земле знамя супятчиков, сшитое из старых пионерских галстуков.

Дерибаска после этого заявил супятчикам, что решающее сражение придется отложить, потому что неудобно, конечно, армии сражаться без командира. Они первыми ушли в поселок, оставив на кусте, под которым сидели, эту самую записку

— Ну и хорошо, что его забрал Пашка, — решил дядя Кудах. — Скажите спасибо, что я опоздал, а то бы вам не то было!..

Он предложил всем садиться в машину, так как очень спешил, и когда уже подсаживал Сережку в кабину, сказал ему:

— Ну, братец, и достанется тебе сегодня на орехи!.. Где это ты их располосовал?..

— Что располосовал? — спросил Сережка.

— Ты еще не видел? — дядя Кудах слегка шлепнул его пониже спины. — Полюбуйся-ка на это место...

И Сережка, уже стоя на подножке, изогнулся и полюбовался штанами. Сзади на них была совершенно великолепная дырка, в

которую свободно могла пройти Сережкина голова.

Наверное, порвал штаны, когда сидел на этих пружинах в самосвале.

— Вот здорово, — сказал тогда он, широко улыбаясь.

...И вот теперь Сережка в новых штанах сидел на подоконнике, болтал ногами и смотрел на жизнь через зеленое стеклышко.

Все в мире было великолепно!

Он вовсе не предатель, а хороший пацан. Дядя Кудях пообещал съездить с ним в воскресенье в город и купить еще пару голубей, чтобы тем, двум, не было скучно. А сейчас вот он возьмет буханку свежего хлеба, и у него еще останется девять копеек на сливочное мороженое, такое холодное, что от него начинает колоть лоб, если ешь его быстро.

Нет, все в мире было оч-чень, оч-чень хорошо!

Сережка еще раз стал разглядывать всех через зеленую стекляшку, как вдруг насторожился и замер. Потом он осторожно выглянул из-за стекляшки, хотя ее можно было просто-напросто убрать от глаз, и посмотрел за кассу

Так и есть!

За кассой, у второго окна, стоял рыжий Дерibasка и с ним еще один мехколонец, Вовка-Шпик. Так звали его потому, что он всегда шнырял по поселку и собирал для Дерibasки всякие военные тайны.

Сережка потихоньку сполз с подоконника и спрятался за кассой. Кто его знает, что на уме у этого Дерibasки?

Постукивала, прокручиваясь, большая серебряная машинка, установленная в кассе, а пластмассовую тарелку глухо звякала мелочь. Очередь таяла, потом снова прибавлялась. Сережку теснили, и ему волей-неволей пришлось выглядывать из-за кассы.

Дерибаска и Вовка-Шпик смотрели в окно, прячась за стенку так, как будто что-то высматривали.

— Окружили, собаки, — донесся до Сережки злой Дерибаскин шепот.

Сережка прислушался.

— Тебе придется идти, Шпик, — снова сказал Дерибаска.

Дерибаска вдруг быстро отодвинулся от окна, прижался спиной к стене. А Сережка поглядел в свое окно и вдруг увидел, как из-за маленькой будки, что стояла напротив магазина, с саблей в руках перебежал за газетный киоск Валерка Косачев. И в ту же минуту из-за газетного киоска показалась голова Амоса.

«Все понятно, — решил Серега. Супятчики подружились, когда Дерибаска вошел в магазин, и теперь ждут, когда он выйдет обратно. А он, наверно, все уже понял и теперь боится выходить».

Ох, и достанется тебе, Дерибаска, за эту записку! Никуда ты теперь не улизнешь от Борьки Амоса».

Сережке захотелось спрятаться где-либо в магазине и посмотреть из окна, как будут колотить Дерибаску.

А вдруг командир мехколонцев найдет его здесь, в магазине? «Нет, надо бежать, —

решил Сережка. — Шут с ним со свежим хлебом. Бежать и предупредить Борьку, что Дерибаска все знает»

— Слушай хорошо, — негромко сказал Вовке-Шпику Дерибаска, и Сережка тоже прислушался. — Пусть вооружатся получше... Я выйду на крыльцо, они кинутся, а вы — сзади...

Судя по всему, Вовка-Шпик должен был выбраться из магазина и собрать мехколонцев. Но как же он выберется?..

Или этот хитрющий Дерибаска что-нибудь все-таки придумает?

Нет, надо быстрее бежать и предупредить супятчиков!

Но бежать было уже поздно. Из-за кассы, отрезав Сережке путь для отступления, вышли Дерибаска и Вовка-Шпик. Они прошли мимо, не заметив Разводчика, и он тут же спрятался за спину старушки с черной хозяйственной сумкой, которая, кажется, шла к выходу

Разводчик уже почувствовал себя в безопасности, как вдруг старушка сделала шаг к прилавку и, близоруко щурясь, уткнулась в витрину. Сережка прижался к прилавку

Он осторожно выглянул у нее из-за спины и ужаснулся. Дерибаска и Вовка-Шпик были совсем рядом. Дерибаска стоял, навалившись грудью на прилавок в том месте, где была дверца на другую сторону

Старуха все стояла, уткнувшись носом в конфеты.

«И на что ей сдались ириски! — тоскливо подумал Сережка. — Маленькая, что ли?!»

А та вдруг обернулась и, глядя на Серезжку, сказала:

— Мальчик, у тебя глазки лучше, скажи: почему эти конфеты?

— Какие? — дрожащим голосом спросил Серезжка и тут же понял, что Дерибаска его увидел.

— А, Разводчик, — сказал Дерибаска, шагнув к Серее. — Привет-привет! Давно тебя, друг, не видел. Что ж ты не хочешь помочь бабушке выбрать конфеты?.. Да ты не стесняйся!..

И не успел Серезжка ничего сказать, как Дерибаска крепко взял его за кисть.

— Какие вам, бабушка, конфеты? — ласковым голосом говорил между тем рыжий Дерибаска. — Эти? Эти по два двадцать килограмм. Берите-берите, очень даже вкусные конфеты!..

Старуха сказала «спасибо», а Дерибаска потащил Серезжку к прилавку.

— Сейчас, Разводчик, — сказал он. — Подожди. Мне надо с тобой поговорить...

Как раз в это время мимо них за прилавком проходила продавщица, и Дерибаска окликнул ее, а когда она склонилась над витриной, жалобно сказал:

— Тетенька, помогите, пожалуйста, этому мальчику... — Дерибаска кивнул на Вовку-Шпика. — Там собрались пацаны-хулиганы и хотят его побить... Выпустите его, пожалуйста, через служебный ход, а?..

Он говорил таким голосом, как будто слезы вот-вот ручьем польются из его глаз. Он смотрел на продавщицу таким жалостливым

взглядом, что ей ничего не оставалось сделать, как уступить просьбе этого вежливого паренька.

— Ну, хорошо, мальчик, я проведу тебя,— сказала продавщица Вовке-Шпику

Она подняла дверцу, толкнула вторую, и Вовка-Шпик юркнул за прилавок.

Сережка рванулся было к двери, но Дерибаска только сильнее сжал руку

— Спасибо, тетенька! — крикнул Дерибаска продавщице и пошел обратно к дальнему окошку, волоча за собой Сережку

— Пойдем в уголок, там поговорим, — сказал он, и Сережка понял, что все пропало.

В углу Дерибаска закрыл Сережку спиной и зло прошипел:

— Попался, друг ситцевый... Ты что тут делал?

— Я, — запнулся Сережка, — я... хлеба тут дожидался...

— Хлеба? — удивился Дерибаска. — Расскажи это своей бабушке!

— Я, знаешь, — начал было Сережка, но Дерибаска вдруг больно прижал его к стенке, положив ему руки на плечи.

— Нет, ты не Разводчик! — сказал он тихо. — Ты, знаешь, кто? Ты — разведчик! Шпион!

— Не шпион! — громко сказал Сережка, но Дерибаска тут же зажал ему рот ладонью.

— Кричать? — удивился он. — А кому это надо?..

Он снова налег на Сережку, и Сережка из-под его руки увидел очередь у прилавка, девушку-кассира за стеклянным щитком,

двух парней в комбинезонах, которые, стоя посреди магазина, считали деньги.

«На помощь! — подумал Сережка. — Ну, помогите ж человеку, помогите!..»

Но все торопливо двигались у прилавков, щелкала касса, продавщицы подавали через витрины румяные булочки, и никому не было дела до Сережкиной беды.

Взрослым и сейчас было некогда.

Сережка хотел громко крикнуть, и крикнул уже, но рыжий Дерибаска снова прилепнул его губы ладонью, а потом, когда увидел, что никто ничего не слышал, больно ткнул Сережку в живот большим пальцем.

Сережка понял, что никто его теперь не спасет, и ему стало так тоскливо, что он даже негромко всхлипнул. Ах, если бы зашел сейчас в магазин дядя Куд-Кудах, или Старик, или Славка! Они бы уж наверняка заметили Сережку и хорошенько бы надавали по шее этому здоровенному Дерибаске, рыжему обманщику и трусу

— Пикнешь — придушу, — сказал Дерибаска, и Сережка снова всхлипнул.

— Вот-вот, поплачь, легче станет, — издевался командир мехколонцев.

Теперь он держал Сережку за ухо, больно оттягивая его книзу

— Только тихонько плачь, — посоветовал Дерибаска, и Разводчик, опустившись в угол на корточки, заплакал жалобно и тонко.

Эх, Сережка-Разводчик, маленький человек!.. Ты все еще ждешь, что в магазин случайно заглянет кто-либо из твоих взрослых друзей. Или отец. Или мать.

Откуда тебе, Сережка, знать, что матери твоей сейчас некогда — у нее мало времени после работы, и она склонилась над твоими старыми штанами. Это ведь только ты решил, что их уже пора выбросить — мать считает, что их еще вполне можно носить, стоит только маленько подштопать.

А батяка твой, бригадир, до сих пор на работе, он решил задержаться там еще чуток с несколькими своими ребятами, чтобы хорошенько подготовиться к завтрашнему дню.

Твоему батяке пообещали дать завтра по сотне кубов бетона в каждую смену, вот и мозгует бригада с вечера, как бы утром не осрамиться...

Дядя Куд-Кудах, сжав голову руками, — потому что за стенкой кричит радиола — сидит над раскрытой книжкой. Иногда он поглядывает на часы, потому что ровно в восемь у клуба «Комсомолец» его ждет Одуванчик — рыженькая девчонка с пышными волосами.

Славка сейчас вместе со своими комитетчиками решает, кто пойдет в ночной рейд. Надо же посмотреть, как там работают экскаваторы да бульдозеры во вторую смену. Ведь может же такое случиться, что некоторые бульдозеристы не сидят ночью за рычагами, а спокойно себе валяются на траве, подложив под голову свои черные от масла ватники...

Старик сидит в своей комнате, и его не видно из-за папиросного дыма — это он придумывает очерк о молодом каменщике, который решил начать соревнование за эконо-

мию раствора. Каменщик этот хочет, чтобы швы на стенках были совсем-совсем тонкие. «Ну, а как с кирпичом? — думает поэтому Старик, морщит лоб и горбится над машинкой. — Если швы тоньше, значит кирпича — больше?..»

Он ведь еще не очень хорошо разбирается в строительстве, этот Старик, потому его и не видно из-за папиросного дыма.

А товарищу Казарцеву, которого ты, Сережка, однажды видел, сейчас еще хуже, чем тебе. Его тоже прижали к стенке — за три сотни километров от Антоновской площадки, где товарищ Казарцев отчитывается в обкоме за то, что сорвал срок строительства второй очереди большой котельной.

— Как же вы думаете, товарищ Казарцев, обеспечить поселок теплом в зимнее время? — спрашивают его за три сотни километров отсюда. — Может быть, вы намерены каждому жителю выдать персональную шубу?..

А товарищ Казарцев ничего такого вовсе не думал, он ведь не маленький, он вторую очередь котельной хочет поскорее достроить, только у него быстро не получается. И потому ему сейчас обидно, и он вздыхает, откашливается и вытирает со лба крупные капли...

И еще товарищ Казарцев хочет, чтобы голос у него сейчас был как можно мягче, только и это у товарища Казарцева не получается...

А, может, Сережка, тебе поможет кто-либо из незнакомых?..

Оставьте, пожалуйста, девушка, свою ма-

шинку с цифрами. Закройте на минутку окошко кассы. Пусть очередь подождет!

Или вы, хлопцы, перестаньте пока считать деньги — видите, человек в беде!

Или вы, продавщица, оставьте пока свои батоны — никто их не украдет. Выйдите, пожалуйста, из-за прилавка!

Только машинка с цифрами должна вертеться, чтобы отбивать чеки; парни в робах должны пересчитывать деньги, чтобы решить все-таки, что же им сегодня купить; а продавщице надо нанизывать чеки на спицу с круглой деревяшкой и отдавать за них румяные батоны...

Некому, что ли, и помочь маленькому человеку?! Вы же видели, как он спасал недавно голубую стрекозу, — значит у него доброе сердце...

Дерибаска повернулся к Разводчику спиной, и, видно, стал наблюдать в окно, а Сережка тихонько выл и выл, представляя, как по улицам поселка бежит Вовка-Шпик, как из домов выскакивают вооруженные мехколлонцы и бегут к магазину. Они окружают ничего не подозревающих Борьку Амоса, Валерку Косачева, всех супятчиков.

А потом Дерибаска выскочит на крыльцо, поднимет, как договорились, руку и тогда...

Сережка вспомнил почему-то, как он встретился недавно с лобастым братом Валерки Косачева, который сказал ему: «Ты — не Разводчик. Ты — предатель».

«Предатель?» — подумал Серега.

Он утер рукавом нос и затих под ногами у рыжего Дерибаски.

Прошло еще несколько минут или, может быть, даже целый час, потому что время тянулось для Серезжки очень медленно, и Дерibasка вдруг оторвался от окна и быстро склонился над Разводчиком.

— Ну вот, успокоился? — ласково спросил командир мехколонцев. И добавил злым шепотом: — Я пошел, слышишь? Запомни: будешь путаться под ногами — батяка твой всю жизнь тебе на лекарство работать будет. Понял?..

Серезжка ничего не сказал, но Дерibasка уже быстро шел к выходу

Разводчик вдруг привстал, пробежал чуть-чуть на цыпочках и замер за кассой. Сердце у него снова колотилось, как тогда, когда они ехали с дядей Кудахом, чтобы успеть к решающей битве.

Дерibasка, скрываясь, выглянул на улицу, постоял секунду, и быстро шагнул в дверь. И тогда Серезжка с быстротой, на которую был только способен, бросился за ним вслед.

Дерibasка, подняв руку, стоял на ступеньках, и Серезжка, не останавливаясь, ринулся мимо. Он чуть не сбил с ног своего врага, задев его плечом, прыгнул через три ступеньки и помчался к газетному киоску

— Амос! Нас окружили! — что есть силы закричал мальчишка. — Валерка, нас окружили!..

И тут что-то резко остановило Серезжку. Как будто он наткнулся на чей-то жесткий палец, нацеленный в его голову

Сереежка вдруг закрыл голову руками и боком опустил на грязную мостовую...

Так падают в кино сраженные пулей доблестные солдаты.

7

В дверь сильно постучали, и Сереежка, встав с кровати, поплелся в коридор.

На пороге стоял Старик.

Волосы у него, как густая щетка. Когда Старик уткнет подбородок в грудь, прямо-таки — ежик. Сереежке часто хочется волосы у Старика потрогать. Только сегодня так и кажется: прикоснешься — уколешься. Это потому, что Старик хмурый.

Сложил на груди руки и сказал:

— Ну?..

— Что ну? — тихо спросил Сереега.

— А, ничего, — махнул рукой Старик. — Войти хоть к тебе можно?.. Чего не приглашаешь?

Сереега вдруг неумело поклонился, и глаза у Старика как будто потеплели. Постучал в коридоре башмаками о пол, отряхивая пыль, потом подхватил Сереежку на руки и понес в комнату

— Не надо, — тихо сказал Сереежка. — Не надо, сам пойду...

— Что, болит голова твоя садовая? — спросил Старик, уложив Сереегу на кровать поверх одеяла. — Эх, Аника-воин... Ну, как, стоишь на ногах? За стенку не держишься?..

Голова у Сереежки повязана, словно на нее надета индийская чалма.

— Подожди-ка, — сказал он и, повернувшись, слез с кровати. — Вот, смотри..

Он, стараясь топтать погромче, пробежал по комнате из угла в угол и, сморщившись, снова залез на кровать.

— Ну, это ты брось, — строго сказал Старик. — Герой какой нашелся... Больно было?

— Да нет, — серьезно сказал Серега и потряс головой.

— Но ведь ревел-то, наверно, здорово, а? И Сережка улыбнулся:

— А как же!..

— А как же, а как же, — передразнил Старик. — Горе с вами, честное слово, — и вздохнул. — Ну, одевайся. Пойдем с тобой к Казарцеву

— К кому? — Сережка присел на постели.

— К Ка-зар-це-ву! — снова передразнил Старик.

— А зачем? — все еще не веря, спросил Сережка.

— Там узнаешь, одевайся...

Сначала Сережка побежал на кухню и на всю открыл кран. Из крана хлынула тугая струя. Разводчик сунул в нее палец и поочередно потер оба глаза. Потом он вытер их майкой, схватил, присев перед кухонным столом, кусок сахара и засунул его в рот.

— А штаны какие надевать? — спросил он у Старика.

— Новые! — буркнул Старик.

— Самые-самые?

— Самые что ни на есть, — строго сказал Старик.

Сережка надел шевиотовые штаны, не-

давно перешитые матерью из отцовских, сунул ноги в скрипучие сандалии.

— А пиджак? — спросил он. — Тоже самый-самый?

— Нет, надевай вельветку, — серьезно посоветовал Старик. — Ту, с орденами...

И Сережка обрадованно улыбнулся, потому что у него, признаться, не было вообще никакого пиджака, не говоря уже о «самом-самом».

Они медленно прошли по улицам, и все пацаны смотрели на Серегу сочувственно, потому что вчера перед магазином разгорелся такой скандал, какого еще не видели на Антоновской площадке. Взрослые разводили упирающихся пацанов по домам, многие убежали, а Дерибаска и Амос, говорят, ночевали в милиции и с них взяли даже какую-то подписку

Сережка улыбался пацанам и качал головой: нет, мол, нисколечко не больно.

Старик вел Сережку за руку, и у треста Разводчик долго оборачивался, провожая взглядом новенькие чистые «Волги», которых сегодня было гораздо больше, чем когда-либо.

В приемной Старик кивнул молоденькой секретарше и большим пальцем ткнул куда-то за спину

— Там Николай Трифионович?..

— Там, — сказала секретарша. — Только советую тебе подождать немного...

— Жарко там? — усмехнулся Старик и снова ткнул пальцем.

— Жарко, — сказала секретарша.

Сережка поглядел, куда показывал Старик, и увидел за спиной у себя высокий шкаф с черным шариком на дверях вместо ручки.

Что только делает в этом шкафу товарищ Казарцев, удивился Сережка. И еще он пожалел про себя товарища Казарцева. конечно же, в шкафу должно быть жарко, потому что так-то он высокий, и ширина порядочная, только чересчур плоский — нелегко в нем такому толстому, как товарищ Казарцев, уместиться.

В шкафу вдруг что-то скрипнуло, заходило.

— ...голову тебе сниму! — вырвался чуть приглушенный, но все-таки грозный голос. — Мне снимут, но сначала я тебе!..

— Постараемся, — сказал другой голос, и из шкафа спиной вышел лысый человек с бумагами под мышкой. Старик поздоровался с ним, но тот вместо того, чтобы ответить «здравствуйте», еще раз сказал почему-то:

— Постараемся!..

И поклонился Старику

А Старик уже тащил Сережку в шкаф, и только внутри шкафа Сережка понял, что никакой это не шкаф, а удивительная двойная дверь. И жарко, наверное, бывает за ней не самому товарищу Казарцеву, как подумал сначала Серега, а тому, кто к нему приходит

Товарищ Казарцев поморщился, когда увидел Старика и Серегу, хотел, видно, что-то сказать, но потом только буркнул:

— Пришли-таки?..

В кабинете у товарища Казарцева стоял

покрытый зеленой скатертью длинный-предлинный стол, за которым сидели незнакомые Сережке люди в черных костюмах и в галстуках. Сам Казарцев сидел в конце кабинета за маленьким столом, боком приставленном к длинному-предлинному

Старик поздоровался и, подталкивая, провел Сережку мимо длинного ряда стульев к самому товарищу Казарцеву

Начальник смотрел на Разводчика. Он пригладил седой ежик и потрогал зачем-то свой большой красный нос.

— Ну, рассказывай, — сказал он Сережке уже негромко, почти ласково. — Значит, ты и есть тот самый герой?..

Сережка не знал, почему он «тот самый герой», но на всякий случай молча кивнул и принялся разглядывать большущий аппарат с множеством белых и зеленых кнопок, на котором стоял головастик — микрофон.

— Герой и грудь в орденах, — сказал один из этих, в черных костюмах. — Откуда столько орденов-то?

Сережка спрятался за Старика, зато товарищ Казарцев сказал:

— К нам ведь в этом году приехало свыше двух тысяч красноармейцев, мы же у вас просили... Вот и раздают мальчишкам свои награды.

— Так ты зачем пожаловал, герой? — снова спросил в черном пиджаке, но Сережка только несмело взглянул из-за Старика, а Старик, взглянув на товарища Казарцева, почему-то вздохнул и негромко сказал незнакомым

— Вопрос тут у нас один наболевший... С детьми вот... Некоторые сады и ясли никак достроить не соберемся, и с летним отдыхом плохо. Бегают вот мальчишки по улицам, каждый день -- драка...

Старик отступил, выдвигая вперед Сережку

— Что же это вы, товарищ Казарцев? — сухо сказал один из незнакомых и принялся записывать что-то на бумажку, которая лежала на столе в рыжей папке.

Товарищ Казарцев сердито посмотрел на Старика и снова взялся за свой красный нос, а Старик улыбнулся виновато.

— Значит, не забудете, Николай Трифонович? Завтра, в шесть...

— Ладно, ладно, — пообещал товарищ Казарцев. — Подъеду, подъеду, если...

И он вопросительно глянул на незнакомых Сережке людей в черных костюмах.

— Да, к этому времени, конечно, сможете... — сказал тот, перед которым лежала рыжая папка.

Когда они вышли, Сережка спросил:

— Это они его... медью, да? Они режут?

— Ну- да, — сказал Старик. — Они, и еще многие...

Он тихонько шлепнул Сережку пониже спины:

— Завод построить — это тебе не то, что нос расквасить, понятно?..

Они спустились на первый этаж и заглянули в комитет комсомола. Славки не было, а в комитете возился художник. Он стоял с кистью перед большим белым щитом, на ко-

тором сверху Сережка прочел одно слово: «Пацаны!».

— Как дела? — спросил Старик у художника. — Идут?

— А чего им не идти? — ответил художник.

Потом Старик потащил Сережку в редакцию, и там они уселись каждый за отдельный стол.

— Вот что, Разводчик, — сказал Старик. — На тебе бумагу, бери в руки карандаш и слушай меня внимательно...

И он рассказал Сережке о том, что завтра вечером на площади будет собрание всех пацанов Антоновской площадки, и он, Сережка, должен будет выступить там и сказать, что воевать уже надоело и надо, наконец, заключить мир.

Они принялись сочинять речь.

Старик говорил, а Серега записывал, но у него ничего не получалось, и тогда Старик сам сел за машинку и быстро настучал речь на полстранички.

«Мальчишки! Супятчики и мехколонцы! К вам обращаюсь я сегодня...» — так начиналась эта замечательная речь.

Сережка спрятал листок в карман — то, что написано, он должен был наизусть выучить дома.

На обратном пути из редакции они снова заглянули в комитет и увидели, что художник уже закончил свою работу. Теперь на щите можно было прочесть объявление, написанное большими буквами:

«ПАЦАНЫ! Сегодня в 6 часов приходите

— Вопрос тут у нас один наболевший... С детьми вот... Некоторые сады и ясли никак достроить не соберемся, и с летним отдыхом плохо. Бегают вот мальчишки по улицам, каждый день -- драка...

Старик отступил, выдвигая вперед Сережку

— Что же это вы, товарищ Казарцев? — сухо сказал один из незнакомых и принялся записывать что-то на бумажку, которая лежала на столе в рыжей папке.

Товарищ Казарцев сердито посмотрел на Старика и снова взялся за свой красный нос, а Старик улыбнулся виновато.

— Значит, не забудете, Николай Трифонович? Завтра, в шесть...

— Ладно, ладно, — пообещал товарищ Казарцев. — Подъеду, подъеду, если...

И он вопросительно глянул на незнакомых Сережке людей в черных костюмах.

— Да, к этому времени, конечно, сможете... — сказал тот, перед которым лежала рыжая папка.

Когда они вышли, Сережка спросил:

— Это они его... медью, да? Они режут?

— Ну- да, — сказал Старик. — Они, и еще многие...

Он тихонько шлепнул Сережку пониже спины:

— Завод построить — это тебе не то, что нос расквасить, понятно?..

Они спустились на первый этаж и заглянули в комитет комсомола. Славки не было, а в комитете возился художник. Он стоял с кистью перед большим белым щитом, на ко-

тором сверху Сережка прочел одно слово: «Пацаны!»

— Как дела? — спросил Старик у художника. — Идут?

— А чего им не идти? — ответил художник.

Потом Старик потащил Сережку в редакцию, и там они уселись каждый за отдельный стол.

— Вот что, Разводчик, — сказал Старик. — На тебе бумагу, бери в руки карандаш и слушай меня внимательно...

И он рассказал Сережке о том, что завтра вечером на площади будет собрание всех пацанов Антоновской площадки, и он, Сережка, должен будет выступить там и сказать, что воевать уже надоело и надо, наконец, заключить мир.

Они принялись сочинять речь.

Старик говорил, а Серега записывал, но у него ничего не получалось, и тогда Старик сам сел за машинку и быстро настучал речь на полстранички.

«Мальчишки! Супятчики и мехколонцы! К вам обращаюсь я сегодня...» — так начиналась эта замечательная речь.

Сережка спрятал листок в карман — то, что написано, он должен был наизусть выучить дома.

На обратном пути из редакции они снова заглянули в комитет и увидели, что художник уже закончил свою работу. Теперь на щите можно было прочесть объявление, написанное большими буквами:

«ПАЦАНЫ! Сегодня в 6 часов приходите

Кажется, если сейчас залезть на кран и пустить стрелу по кругу, то она понесет на себе и это красное чуть-чуть расплющенное солнце.

Перед машиной уже собрались мальчишки. Группками они совещаются о чем-то, переходят от одного кружка к другому, слушают, говорят.

На машине пожилой монтер устанавливает микрофон, потому что Славка сказал, что все должно быть как на очень большом митинге. Он попросил Сережку понаблюдать, чтобы все было, как полагается, и Сережка теперь стоит рядом с монтером и тоже щелкает пальцем по густой сетке микрофона.

— А ну, посчитай-ка, сынок, проверь его, — говорит монтер. — Раз, два, три, четыре, пять, потом — обратно...

Этого можно Сережке и не объяснять. Он и сам знает, как проверяется микрофон. Небось, не один митинг видел он на Антоновской площадке.

— Один, два, три, — медленно начинает считать Сережка, и все пацаны оборачиваются сразу к машине. Все они смотрят на Разводчика и, конечно, можно было бы сейчас подмигнуть кой-кому, помахать рукой Борьке Амосу, показать язык Дерибаске. Но Сережка занят серьезным делом.

Он уже третий раз досчитал до пяти и третий раз начал называть цифры в обратном порядке, когда кто-то крикнул:

— Давай, считай дальше, Разводчик!

— Правильно, чего на одном месте топтаться? — поддержали в толпе.

Но Сережку этим не возьмешь. Как надо, так он и делает, чего там.

— Да он дальше не умеет!.. — слышится знакомый голос, и Сережка видит на перевернутой железной урне сидит Дерibasка. Сидит, как ни в чем не бывало, чертит что-то прутиком на земле.

— Он же дальше пяти не знает!.. — кричит Дерibasка.

«Ах, не знаю больше пяти, да?» — думает Сережка.

Он берется рукой за тонкую металлическую шейку и наклоняет микрофон к себе. Сейчас он досчитает до ста, даже до двухсот

— Ну что, будем начинать?

Сережка оборачивается.

Рядом с ним уже стоит Славка. Одет он все так же — на нем клетчатая ковбойка и зеленые лыжные штаны.

С разных сторон подходят к трибуне две машины.

Из кабины самосвала выпрыгнул почти на ходу, щелкнув дверцей, дядя Кудах. Самосвал развернулся и пошел обратно — на-верно, Кудах попросил кого-нибудь из своих дружков поскорее подбросить его до поселка.

А по другую сторону трибуны останавливается легковой газик, и, опираясь на ручку дверцы, из него тяжело вываливается товарищ Казарцев.

Дядя Кудах становится на колесо и ловко прыгает на трибуну, а Казарцеву Славка подает руку Казарцев пыхтит и лезет неловко.

«Каждый раз выступает, а лазить не научился», — думает Сережка.

— Митинг пацанов Антоновской площадки разрешите считать открытым! — громко говорит длинный Славка, наклонившись к микрофону, и мальчишки недружно аплодируют.

Серезжка вдруг замечает, что пацанов очень много. Ничуть не меньше, небось, чем на любом другом митинге. Разводчик замечает в толпе мальчишек-соседей, с которыми видится каждый день, и своих одноклассников, многих из которых не встречал давно. Да разве встретишь — столько домов теперь в поселке, и каждый — пятиэтажный.

— Слово начальнику стройки Николаю Трифоновичу Казарцеву! — говорит Славка, и ребята аплодируют уже дружнее.

Серезжка смотрит на Казарцева.

— Товарищи строители! — громко говорит Казарцев, а Славка быстро наклоняется и что-то шепчет ему на ухо. Казарцев смущается вдруг, как маленький, гладит свой ежик и потом снова решительно подступает к микрофону. Он берется за головку микрофона, и она совсем исчезает в его громадной ладони.

— Дорогие мальчишки! — говорит он. — Ребята! Я вот сейчас назвал вас строителями... Так оно и есть. Не все, правда... Но однажды я шел по поселку и вижу: идет по асфальту каток, а за рулем сидит мальчишка, ваш ровесник. Это, я понимаю, настоящий строитель!..

Товарищ Казарцев опустил микрофон и рубанул перед ним кулаком, когда сказал про этого пацана на катке. Видно, очень ему понравился этот пацан.

— Но не все занимаются хорошими делами, — продолжал товарищ Казарцев. — Я вот, когда пацаном был, так мы в своей деревне беляков били!.. Они отступать начали, а тут мы...

Но в это время к товарищу Казарцеву снова склонился Славка. Он прямо-таки не давал выступать начальнику стройки. Но тот только тихо сказал Славке «не буду» и вытер платком лоб.

— Беляков, в общем били, — негромко сказал он. — А вам тоже дело найдется. Вот лом металлический собирать, железо. Мальчишки внимательно слушали товарища Казарцева, но на этом месте раздался вдруг веселый голос Дерибаски.

— А зачем его собирать? — крикнул Дерибаска. — Что его мало, что ли?..

— Да, железа у нас пока мало, — сказал товарищ Казарцев и снова взмахнул своим кулачищем.

— Если бы было мало, оно б кругом не валялось! — крикнул снова этот несносный Дерибаска.

— Шустрый какой, — сказал начальник стройки и снова вытер платком мокрый лоб. А Славка заулыбался и склонился к микрофону

— Критика, в общем, правильная, но я прошу не перебивать... Потом выступишь и все скажешь...

Сережка видел, как Дерибаска поглядел в это время на ребят, которые стояли рядом. Слышите, мол? Правильная критика.

«Задавака», — подумал Сережка.

— Замечание, конечно, верное, мы учтем, — сказал товарищ Казарцев, а Дерибаска засиял еще больше. — Но вы нам должны помочь исправить такое положение. А мы завтра построим вам в тайге пионерский лагерь, хороший лагерь... Сегодня две бригады должны закончить работу на котельной, я сниму их оттуда и отправлю в тайгу — Теперь начальник стройки очень торопился, как будто боялся, что его снова перебьет этот Дерибаска. — Так что через недельку лагерь будет готов. Будете там загорать и ловить рыбу. А драться не надо. Устраивает вас такое?

— Устраивает!

— Большую рыбу...

— Только чтобы точно!

Кричали все сразу, а до Сережки долетали только отдельные слова. Сережка и сам бы кричал и насчет рыбы, и чтобы точно уж был пионерский лагерь, но ему было неудобно, потому что он ведь, как-никак, стоял на трибуне, рядом с самим товарищем Казарцевым.

Товарищ Казарцев стоял теперь боком к микрофону и все вытирал лоб большим платком. «Устал, наверно, с непривычки, — подумал Сережка. Вот он всегда про план говорит, да кто хорошо работает и его надо повесить на Почетную доску, а кому надо дать по рукам за брак. А тут? Как же, жди, послушает тебя тут Дерибаска!»

— Ти-ше! — закричал Славка в микрофон, так как шум не утихал. — Говорить будет Генна Ивахненко.

Куд-Кудах подошел к микрофону, откашлялся, а потом громко сказал:

— Мудрецы! — и все пацаны замерли, так как никто еще не знал, почему это они мудрецы.

— Мучители! — громко сказал Куд-Кудах. — У товарища Казарцева своих дел по горло, он вот вторую очередь котельной сдавать должен. Да еще с вами цацкается. Есть у него на это время?..

Пацаны молчали. Может, им тоже стало жаль начальника стройки?

Сережка снова скосил глаза на товарища Казарцева. Он вот котельную пустить должен. И кто-то сверху режет его медной проволокой. Да вчера утром еще тот незнакомый дядька в черном костюме записал про товарища Казарцева в свою рыжую папку. Бедный товарищ Казарцев!

— Кто это тут кричал про железо? — спрашивал между тем в микрофон Куд-Кудах. — А ну, кто? Подними руку

Никто не поднимал руки, и тогда Куддах сказал:

— Что ж ты, Дерибаска, молчишь? На счет железа вот ты все хорошо понимаешь, а что головы пробивать нельзя — не доходит. — Куддах постучал себя согнутым пальцем по виску — Тут не работает?..

Пацаны захихикали, но Куддах поднял руку:

— Я тут с вами долго распотякивать не буду У меня, понимаешь, институт. Я вот что скажу: я да мой напарник Лешка, да еще пять хлопцев из нашей бригады решили обу-

чать вас шоферскому делу. — Кудях обвел всех суровым взглядом. — Будете учиться или нет?

И теперь уже пацаны не кричали вразнобой, а хором ответили:

— Будем!..

Они толкали друг друга локтями, колотили по спине — так им хотелось научиться шоферскому делу.

— Ну вот так, — сказал дядя Кудях. — Кто будет учиться, тому драться будет некогда, а кто учиться не будет и снова воевать вздумает — с тем уж я отдельно поговорю. Идет?

— Идет! — снова ответил хор голосов.

— А ну-ка, — сказал Кудях, улыбнувшись. — Кто хочет ездить на машине — отходи влево, кто не хочет — стоять на месте...

Кудях повел рукой влево, но не успел он еще договорить, как все пацаны, вся громадная толпа пацанов — рыжие и черные, босонogie и в ботинках, с синяками и без синяков — все двинули влево, и перед трибуной остался лишь Старик, который стоял поодаль с блокнотом в руке, да еще несколько парней, которые остановились послушать, что это за такой интересный сегодня митинг

Потому, наверное, что все пацаны решили стать шоферами, и что место перед трибуной мигом опустело и в пыли осталась лежать чья-то рогатка, дядя Кудях рассмеялся прямо в микрофон.

Славка перегнулся через его плечо:

— Попрошу всех стать на место.

А когда пацаны снова стали перед машиной, сказал:

— Слово — Разводчику, Сережке Скакалкину...

Кудах подтолкнул Сережку к микрофону. Сережка снял пилотку, тоже откашлялся и открыл рот. И тут же понял, что он все позабыл и сейчас вот не скажет ни словечка.

— Давай, Разводчик, — тихо сказал Славка.

Тогда Сережка зажал пилотку под мышкой и стал рыться в карманах. Где-то должна быть бумажка, которую сочинили они со Стариком.

Он нащупал в кармане дыру, удивился тут же, откуда она, если штаны совсем новые, и понял, что все пропало.

— Давай, давай, Разводчик! — снова сказал Славка.

Сережка молчал.

И тогда мальчишки, которые до сих пор смотрели на Сережку раскрыв рты, так как он был первый пацан на Антоновской площадке, которому досталось выступать на митинге, тоже стали кричать сначала тихо, а потом громче и громче:

— Давай, Разводчик!

— Давай, Разводчик!

— Да-вай, Раз-вод-чик!..

— Ти-ше! Разводчик волнуется!.. Ти-ше!

Наступила тишина.

Сережка громко шмыгнул носом, так громко, что микрофон хрюкнул, надел пилотку и неожиданно присел за высоким бортом машины.

И дядя Кудах, добрый Кудах, отступил чуть-чуть в сторону от товарища Казарцева,

чтобы Сережка мог пролезть у них под ногами и спрятаться за спиной у Славки.

Он полз, безжалостно пачкая новые штаны о пыльный пол кузова, и думал, что теперь, конечно, все пропало.

Но Сережка, наверное, был не прав, и его выступление было, наверное, самым ярким, потому что все долго хлопало в ладоши и улыбались.

— Ничего, малыш, ничего! — услышал вдруг Сережка голос товарища Казарцева и увидел на своем плече здоровенную руку. Ему почему-то вдруг стало очень спокойно, и он улыбнулся товарищу Казарцеву.

— Итак, — кричал в микрофон Славка. — Кто за вечный мир на Антоновской площадке, прошу поднять руки!

Перед машиной зашумели пацаны, и Разводчик потихоньку выглянул из-за товарища Казарцева. Он увидел много рук, очень много рук. Как в классе, когда учительница задает самый легкий вопрос, и всем хочется ответить, и даже больше, гораздо больше.

Сережка увидел Старика. Тот стоял чуть сбоку и глядел на пацанов. Вдруг Старик тоже увидел Сережку.

Он улыбнулся, поднял руки над головой и пожал их — молодец, мол, Разводчик!

Тогда Сережка совсем вышел из-за спины товарища Казарцева и тоже поднял над головой руки.

— Завтра, — закричал в микрофон Славка, — к девяти утра... сбор около треста... Подем с Геннадием Ивахненко выбирать место для лагеря...

Еще не было и восьми часов, а у здания треста стали собираться мальчишки. Утро выдалось прохладное, с синеватым туманом, который растекся по поселку и затопил, кажется, всю стройку, и почти все ребята были в свитерах или пиджаках, а некоторые даже в телогрейках. В карманах у мальчишек или за пазухой виднелись свертки.

Серезжка тоже положил было свой узелок за пазуху, но он был, пожалуй, для этого слишком велик, и Серезжка стал держать его в руке. В узелке лежали четыре бутерброда с маслом, три яичка, сваренных вкрутую, луковица и спичечный коробок с солью.

Сначала Серезжка не хотел брать с собой так много еды, но мать присела перед ним на корточки, сказала насмешливо:

— Эх, таежник... Тебе ж там этого мало будет — на свежем-то воздухе...

Теперь мальчишки, переговариваясь, стояли на сером асфальте перед трестом, другие висели на штакетном заборчике, а Серезжка и еще некоторые супятчики сидели на каменных ступеньках. Нельзя сказать, чтобы здесь сиделось удобнее, и даже наоборот — очень уж холодные были каменные ступеньки, но эти супятчики пришли сюда первыми, захватили место — не отдавать же его теперь. Они уже, кажется, переговорили обо всем — и что хорошо бы найти красивое местечко у реки, и что здорово, если бы недалеко был кедрач — хороший кедрач, со спелыми шишками.

Разговор перебрасывался от одной группы пацанов к другой. Иногда вдруг начинали шуметь все вместе, и тогда мехколонцы переговаривались с супятчиками так мирно, как будто они были друзья — не разольешь водой. Правда, когда Борька Амос пообещал своим дружкам показать, как надо ловить ускучей, — есть в горных речках такая рыба, — Дерибаска, сидевший на заборчике, сплюнул и громко сказал:

— Ускучи что... Минуту на берегу полежал и — как деревянный. Станешь сгибать — ломаться может. Хариус — другое дело. Да что вам говорить — хариуса копченого, небось, и не пробовали...

Но сказал это он как-то совсем необидно, и супятчики даже не стали ему возражать. Не пробовали — теперь попробуем. За тем они в лагерь и едут.

Потом из города подъехал трестовский автобус и со ступенек пришлось подняться, чтобы пропустить народ, но теперь это уже не имело значения — автобус обычно приходил без десяти девять.

— Сейчас Куд-Кудах покажется, — сказал Сережка Борьке Амосу. — Дядя Гена никогда в жизни не опоздает...

— Армия, — согласился Амос, — там, небось, только попробуй, опоздай...

Они стали смотреть на дорогу около бани, откуда должен был появиться дядя Куд-Кудах, но самосвалы шли пока только в одну сторону — на стройку

— Когда перейду в седьмой, обязательно куплю себе часы, — заговорил потом Борька

Амос. — А то без них как без рук. Сидишь себе и ничего не знаешь про время.

Сереге поддакнул и про себя вздохнул: хорошо Борьке. Он в седьмой через год пойдет. А сколько еще ему, Сережке, до седьмого...

Время бежало, а дядя Кудях все не появлялся. Не было и Славки со Стариком.

В тресте все шло как обычно — в комнате на нижнем этаже щелкали костяшками счет, на втором одно окно было открыто, там кто-то кричал по телефону — разговаривал, видно, с дальним участком. Только легковых машин сегодня около треста почему-то не было.

— Надо все-таки узнать время, — сказал Борька.

Сережка увидел, как из треста выходит пожилой дядька с полевой сумкой в руке.

— Сколько часов, дядя?

— Одни, — не глядя на часы, хмуро сказал с полевой сумкой и быстро пошел в сторону дороги.

— Сказать не может, — обиделся Сережка.

— А ты бы спрашивал по-человечески, — укорил Борька. И передразнил: — «Дядя, сколько часов?»

Однако сейчас никто почему-то не засмелся. Лица у мальчишек были серьезные.

— Может, на десять назначили? — спросил Сереге.

— Слушать надо было, — сказал Амос недружелюбно. — А то десять, десять...

Из-за спины Дерibasки высунулся Володька-Шпик. Похлопал пальцами ухо под кепкой без козырька, ухмыльнулся.

— Динамики развесили, да? С вами вчера пошутили, а вы — лагерь, лагерь!

Он подмигнул Дерибаске, но тот молча отвернулся от Вовки.

— Сейчас время узнаю...

И пошел к двухэтажным домикам.

Все следили, как он, подтягиваясь на руках, заглядывает сначала в одно окно, потом в другое.

Потому, наверное, никто и не заметил, как из-за бани, затормозив на крутом повороте, выскочил газик начальника стройки. Он подкатил к тресту почти бесшумно, и мальчишки увидели его лишь тогда, когда в машине хлопнула дверца, и товарищ Казарцев тяжело зашагал к подъезду.

Сережка шагнул вперед, закричал обрадованно, стаскивая пилотку.

— Товарищ Каз...

И запнулся.

Лицо у начальника стройки было такое сердитое, что Сережка невольно отступил на шаг, все еще продолжая держать пилотку в руках.

— А, мальчик, — глухо сказал на ходу товарищ Казарцев. — Потом, потом. И так пока... доигрались...

— Без четырнадцати десять, братва! — крикнул от двухэтажного домика Дерибаска.

Захлопнулась дверь за товарищем Казарцевым. Мальчишки стояли молча.

Потом все они тихонько сидели на траве, все еще ожидая чего-то, а Сережка стоял у подъезда, и ему было непонятно, что же такое изменилось со вчерашнего вечера, поче-

му не приехали к девяти ни дядя Куд-Кудах, ни Старик, ни Славка. И непонятно, почему Серега чувствовал себя виноватым перед ребятами как будто это он сам пообещал отвезти их сегодня в тайгу, а вот, нате, пожалуйста, — не едет, не везет...

— Он только с машины говорить здоров, — услышал Сережка насмешливый голос и обернулся. Володька-Шпик смотрел на Сережку с таким презрением, как будто перед ним был не храбрый орденосец с Антоновской площадки, а самый последний пацан на земле. — Не так, что ли, Разводчик?

Сережка опустил глаза.

На крыльцо вышла молоденькая секретарша, Сережку не увидела, крикнула, обращаясь к ребятам:

— Мальчики, товарищ Казарцев просит вас разойтись по домам. Сегодня ничего для вас не будет, мальчики...

Пацаны тихонько загудели.

За секретаршей в подъезде появился лысый мужчина — тот самый, которому на днях у товарища Казарцева было жарко. Рядом с ним шел высокий парень в очках. Лысый что-то негромко говорил, а парень нагибался к нему и кивал головой, соглашаясь.

Они остановились на крыльце.

— Спешка все, — тихо проговорил лысый. — «Даешь котельную!» Вот и дали. Переделок на полтора месяца, не меньше...

Сережка прислушался.

— Но проект не должен был подвести, — сказал высокий тоже негромко. — Двух кранов, казалось бы, вполне достаточно...

— Как-никак, дорогой мой, восемь тонн эта балочка, — усмехнулся лысый. — Хорошо еще, что без жертв обошлось — догадались поднимать в третью смену...

— А ведь лучшая комсомольская бригада поднимала — так по-моему? И такая авария. ЧП на всю область!

Больше Сережка не слушал. Он еще не понял, что именно произошло на котельной, но то, что у товарища Казарцева, и у Славки, и у Старика, и у дяди Куд-Кудаха — неприятности, что переживает их вся стройка — это ему было ясно.

Почти все мальчишки уже ушли, в трестовском палисаднике стояли только Дерибаска да еще несколько мехколонцев.

— Авария на котельной! — подбегая, выпалил Серега. — Потому, наверное, и не поехали, что авария... На всю область!

— Кто сказал? — спросил Дерибаска.

Сережка обернулся, чтобы показать на лысого, но того уже не было на крыльце, и он только пожал плечами. Но Дерибаска все равно поверил.

— Жалко, что авария, — сказал он грустно и вздохнул. — Я уж в тайгу так собрался. Надоели мне все эти войны...

Серега раскрыл от удивления рот, а Дерибаска уже перешагнул через штакетник и по асфальтовой дорожке шел в поселок.

Сережка остался один.

Он решил дожидаться Славку и Старика, и вовсе не затем, чтобы расспросить их про лагерь, а потому, что им, небось, трудно сейчас, плохо, если аварию сделала комсомоль-

ская бригада. И Славка, и Старик, и дядя Куд-Кудух тоже — они всегда пытались помочь Сереге в трудную минуту. И он теперь тоже будет их ждать, когда бы они ни пришли...

Сначала он сидел на камне рядом со своим узелком, затем снял вельветку, потому что, несмотря на близкую осень, солнце припекало еще довольно жарко, завернул в нее узелок и, положив сверток под голову, лег на траву.

Он снова стал думать про Славку и Старика, но тут его мысли перебились — черная букашка по высокой травинке ползла вверх. Травинка косо перечеркнула небо над Сережиной головой, и ему казалось, что букашка очень большая и ползет она высоко, под самыми облаками.

Потом букашка чуть не сорвалась вниз и повисла на травинке, держась передними лапками. Сережка хотел помочь ей, тронул ее указательным пальцем, но ей это, видно, не понравилось, потому что букашка раздвинула на спине черный панцырь, выпустила тонкие крылышки и полетела куда-то вбок. Сережка примял травинку и стал смотреть на облака.

Снежно-белые барашки стояли очень высоко и неподвижно. Легкие, пушистые, они были очень красивыми, и Сережка пожалел, что не захватил с собой зеленое стеклышко...

Вот и конец этой истории.

А рассказал я ее вам затем, чтобы вы знали, как начиналась наша новостройка, и что

сначала было трудно не только взрослым, но и мальчишкам тоже...

Даже мальчишкам иногда труднее, чем взрослым, если говорить честно...

Цена 9 коп.

КЕМЕРОВО 1965